

АНДРЕЙ КОКОУЛИН

The background of the cover is a warm, golden-yellow illustration. It depicts a woman with long, dark hair, seen in profile from the chest up. She is wearing a headband with a large circular ornament and a necklace of red and green beads. Her right hand is held out, palm up, and a single, vibrant red leaf is glowing with a bright, ethereal light as it floats above her fingers. The air around her hand is filled with soft, wispy smoke or mist. Numerous other autumn leaves in various shades of orange, yellow, and brown are scattered throughout the scene, some floating in the air and others resting on the ground. The overall atmosphere is magical and serene, with a strong emphasis on the colors of fall.

МАСТЕР ОСЕННИХ ЛИСТЬЕВ

· ФЭНТЕЗИ · РОМАН МАСТЕРСТВА ·
РОМАН ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Дети Великого Шторма (АСТ)

Андрей Кокоулин

Мастер осенних листьев

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кокоулин А. А.

Мастер осенних листьев / А. А. Кокоулин — «Издательство АСТ», 2021 — (Дети Великого Шторма (АСТ))

ISBN 978-5-17-137804-2

Когда в местечко Подонье Саморского надела прибывают мастера, чтобы набрать учеников, жизнь тринадцатилетней Эльги Галкавы меняется безвозвратно. Неожиданно для себя она становится ученицей Униссы Мару, мастера листьев. С этой поры ее судьба складывается из дорог и местечек, уроков по сложению волшебных картин и боли в пальцах. Огромный сак с листьями она носит за спиной. В то же время где-то на западе начинает свой поход еще один мастер. Мастер смерти. Встреча их, видимо, неизбежна.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-137804-2

© Кокоулин А. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Андрей Кокоулин

Мастер осенних листьев

Часть 1

– Ну что ты копаешься?

Рыцек успел выбежать во двор и вернуться.

– Ну!

– Сейчас, – сказала Эльга.

Лента наконец проделась в прорезь кофты и сплелась на животе со своей подружкой.

– Ну ты вообще!

Рыцек топнул ногой в башмаке, надул щеки и пропал из дверного проема. Затем появился вновь, чтобы с тоской наблюдать, как Эльга повязывает платок.

– Ветра нет!

– Все равно. Девушки ходят в платках!

– Ёрпыль-гон! – Рыцек боднул лбом косяк и закатил глаза.

Сердце его отстукивало доли времени, похожие на мгновения смерти.

– Все! – объявила Эльга.

Рыцек схватил ее за руку.

– Побежали, тихоня!

Мелькнули ступеньки лесенки, весело залаял пес Кутыня, плеснула вода в корыте, а солнце золотым жаром дохнуло в лицо.

Эльга с Рыцекком выскочили за ворота и мимо степенно бредущих взрослых помчались к постоялому двору.

Качались лопухи, зеленели яблони, покрывшиеся мелкими белыми яблоками, как дурной сыпью, чинил крышу дядя Пойсо, за далеким полем, желтеющим созревающей пшеницей, распахивали новый участок, тетя Вейра через плетень болтала с Лимой, дочерью тети Гунабун, а в канаве квакали лягушки. Углы Эльгина платка трепетали белыми птичьими крыльями. Рыцек на бегу отмахивался от надоедливой пчелы.

Быстрее! Быстрее! Поскрипывал под башмаками песок.

Дом Кузинеков. Дом одинокого Слепня. Дом бабки Тутולי. А у постоялого двора уже собралась пестрая галдящая толпа. Слышался голос кафаликса:

– ...рогие жители! Представляю вам... ..теров Края...

– Ёрпыль-гон! – страдальчески воскликнул Рыцек. – Уже началось!

Они протиснулись к изгороди. Рыцек перелез через жердины. Эльгу дед Пихтя поднял на руки и опустил уже внутри двора.

Кафаликс выхаживал по притоптанной земле, важный, усатый, в синих штанах, служебном длиннополом сером муландире и в синем же колпаке с полями.

– Всякому, кто пойдет под руку мастера, кранцвейлер Края назначает содержание в тридцать эринов в этот год! – произнес он.

В толпе ахнули. Сумма, наверное, была большая. Но Эльга ничего не понимала в эринах и все пыталась рассмотреть стоящих поодаль мастеров. Потейущий на солнце кафаликс шагал как заведенный, словно специально мешая взгляду.

– Пусть покажут мастерство, – сказал кто-то из толпы.

– Конечно, – кивнул кафаликс, остановившись.

В это мгновение Эльга разобрала, что мастеров к ним приехало четверо. Не трое, как она сначала подумала, а четверо. Мужчины-мастера стояли, образовав кружок, в ожидании,

когда их представят. Женщина же словно пряталась за ними. Она даже отвернулась вбок, и ее лицо показалось Эльге печальным. В ногах у женщины лежал большой серый сак, похожий на гусеницу.

– Я представляю вам Эльмура Изори, – торжественно произнес кафаликс, предваряя слова движением руки, – мастера боя.

Один из мастеров, крепкий, с голым торсом, мужчина лет сорока вышел вперед. Он не стал играть мускулами или кувыркаться, показывая свои силу и ловкость. Он обвел собравшихся серыми, глубоко посаженными глазами и спросил неожиданно низким голосом:

– Кто хочет попробовать?

– Ну я, – сказал дядя Вовтур.

Он был большой, на голову выше мастера Эльмура. Плечи как булжники, руки как кузнечные клещи. На бритой голове – белый рубец.

Детей отогнали от участка изгороди, да и сами взрослые подались в стороны. А дядя Вовтур, освободившись от короткой куртки, встал напротив мастера в пяти шагах, чуть присел и сжал пальцы в кулаки.

– Нападать?

Мастер боя сузил глаза и кивнул.

– Нападай. – Он вытянул руки и соединил ладони.

– Эх-ха!

Дядя Вовтур ринулся вперед, но ладони мастера Эльмура чуть отклонились в сторону, и его соперник неожиданно для себя запнулся и упал на правое колено.

Толпа выдохнула.

– Видела? – толкнул Эльгу Рыцек.

Глаза его блестели как монетки. Сам он пытался скопировать стойку мастера.

– И ничего особенного, – сказала Эльга.

Дядя Вовтур в это время поднялся на ноги и, уважительно качнув головой, обернулся к глазеющим:

– Ну же, поддержите меня!

Народ тут же закричал:

– Вперед, Сильф! Покажи ему, Вовтур!

Девчонки рядом с Эльгой захлопали в ладоши.

– Вот, это дело! – сказал дядя Вовтур, подмигнул и бросился на неподвижно стоящего мастера.

Тот качнул ладонями, но дядя Вовтур ловким движением ушел от этого жеста в сторону. Кидаясь то вправо, то влево, он смог приблизиться к Изори на два шага, но тут пальцы мастера боя толкнули воздух, и дядя Вовтур, будто мягко стукнутый гигантским кулаком, отлетел обратно к ограде.

Под весом спины его звонко треснула жердина.

– Ёрпыль-гон!

Рыцек подпрыгнул от охвативших его чувств.

Дяде Вовтуру помогли подняться, кто-то похлопал его по плечу.

– Можешь взять деревяшку, – сказал мастер Эльмур.

Он разъединил руки и расположил их одну над другой, словно защищая грудь от удара. Эльге показалось, что воздух перед его ладонями слегка поплыл, как бывает, если смотреть над пламенем костра или очага.

– Так-таки и могу? – сказал дядя Вовтур.

Одним движением он выдернул треснувшую жердь из ограды и переломил ее о колено. Обломок, оставшийся в его ладонях, напоминал размером увесистую дубину.

– Так могу?

– Можешь, – улыбнулся одними губами мастер боя.

– А то был у нас в прошлом году...

Дядя Вовтур подшагнул к противнику. Рыцек весь сжался пружиной в ожидании, словно это на него, а не на мастера боя наступал односельчанин.

– ...так тоже говорил, что мастер. А копьем его нельзя, кулаком его нельзя... Только и мог стрелы отводить.

Дядя Вовтур ударил дубиной почти без замаха, но и такой удар, наверное, должен был сломать Изори плечо.

Только вот дубина словно повстречалась с невидимым камнем.

Дядю Вовтура развернуло от отдачи, народ загудел, Рыцек, заголосив, выпрыгнул вверх, к небу и солнцу.

– Да!

Мастер боя отступил на шаг, подставляя другое плечо.

Эльга же разглядела, что женщина-мастер что-то выкладывает на плоской дощечке. Разноцветные кусочки ложились на дерево, а женщина, искоса поглядывая на дядю Вовтура, то и дело запускала в сак руку и долго, задумчиво что-то перебирала.

Странно, да? Эльга даже губу закусил от любопытства.

Мастер боя тем временем отбил второй удар дяди Вовтура так же легко, как и первый. Дубина треснула.

– Хочешь нож? – спросил мастер Эльмур.

– Брать? – повернулся к толпе дядя Вовтур. – А то вроде ничего мастер.

– Бери! – крикнули от ограды.

– Только не поранься! – добавил кто-то.

Народ грохнул хохотом, дядя Вовтур показал нырнувшему за спины зубоскалу могучий кулак. На солнце надвинулось небольшое облачко, и цвета дня потемнели, порыв ветра сбил серую челку мастеру боя на глаза.

Какой-то клочок выскочил у женщины-мастера из-под пальцев и, подхваченный потоком воздуха, полетел через двор. По пути он увернулся от кинутого дяде Вовтуру ножа и, кружась, спланировал прямо к Эльге.

Девочка подставила ладонь. Клочок лег в нее зеленоватой бабочкой. Это оказался сливовый лист, мягкий, с красной полоской посередине. Он подрагивал, как живой.

Эльга подняла голову – женщина-мастер смотрела на нее, чуть хмурясь, с некоторым напряженным ожиданием. Бледное лицо, светлые брови и светлые, зачесанные за уши волосы. Пальцы вынутой из сака руки сжимали пустоту.

И Эльга решилась.

– Куда? – успел крикнуть ей вслед Рыцек.

Но поздно.

Она оттолкнулась от ограды и, зажав в кулачке лист, чтобы не выпорхнул, побежала мимо вновь сошедшихся мастера боя и дяди Вовтура. Вернуть сливового беглеца почему-то показалось очень важным.

Кто-то за спиной вскрикнул, Рыцек, конечно, помянул Ёрпыль-гона, бойцы вдруг быстро надвинулись на Эльгу, замахали руками, задышали, запыхтели, втиснули ее в тесное пространство между собой, льдисто сверкнул нож.

– Ой!

Эльга, предчувствуя нехорошее, закрыла глаза. Но ее вдруг, будто скользкую рыбку из пальцев, выдернуло вон, нож исчез, в щелку между ресницами сквозь дрожащий свет проломилось и пропало лицо Эльмура Изори. Что-то треснуло, вскрикнул от боли и, кажется, упал на землю дядя Вовтур.

Ах, башмаки сами понесли Эльгу прочь! Опомнилась она только в конце двора, пойманная тонкой рукой женщины-мастера.

– Вот дуреха! – сказал кто-то из мужчин.

– Зачем бежала? – строго спросила женщина. – Жизнь не дорога?

– Тетенька, я это...

Эльга подала ей сливовый лист.

Женщина усмехнулась. Вблизи она была старше и противней, чем если шурясь смотреть от изгороди. Жесткое лицо прорезали морщины. В светлых глазах не пряталось ни ласки, ни улыбки, одна ожесточенная пустота.

– Тебя же сейчас чуть не убили.

– И что? – Лист задрожал в пальцах. – Вам разве не нужно?

– Глупенькая.

Женщина-мастер опустила ладонь в сак и под сухой шорох извлекла целый пук самых разных листьев – и дубовых, и ольховых, и смородиновых, и березовых, и мелких брусничных.

И сливовых тоже.

– А теперь, – с середины двора зычно возвестил кафаликс, – встречаем мастер-лекаря Крапина Гампелина!

Оглянувшаяся Эльга увидела, как обозвавший ее дурехой мастер, сменяя Эльмура Изори, степенно идет к поверженному, тяжело вздымающему глыбу плеча дяде Вовтуру. Тюрбан, коричневый халат, остроносые сапоги.

– Здравствуйте, дорогие мои, здравствуйте!

Мастер-лекарь поклонился людям.

– Зовут-то как? – услышала Эльга сбоку и не сразу сообразила, что обращаются к ней.

– Вам же все равно, – сказала она женщине, наблюдая, как мастер Гампелин, кружа, пассажирует дяде Вовтуру выбитый сустав.

Выглядело это еще страшнее, чем битва с мастером Изори.

– Может быть, все равно, а может быть, и нет. – Женщина склонилась над своей доской. – Но если не хочешь...

– Эльга.

– Хм... – качнулась женщина. – Непростое имя. Ну-ка, посмотри. Только честно скажи: что видишь?

Она развернула доску.

Эльга ахнула. На слегка ошкуренном дереве, на желто-белом фоне один к одному тесно примыкали листья, изгибались, сцеплялись зубчиками, складываясь в необычное, темно-зеленое, коричневое, с фиолетовыми жилками, очень узнаваемое лицо. Дядя Вовтур получился у женщины словно живой, губастый, веселый, улыбающийся, казалось, немного подожди, замедлится, – и он расхохочется листьями или подмигнет.

– Это ваше мастерство? – прошептала Эльга.

– Мое, – сказала женщина.

– А я так смогу?

– А получился ваш...

– Дядя Вовтур?

– Да. Он самый.

– Очень! – прочувствованно сказала Эльга. – Совсем-совсем он!

Женщина-мастер чуть-чуть, уголками губ, позволила себе улыбнуться.

– Ты хочешь этому научиться?

Девочка закивала так часто, что у нее, наверное, должна была отвалиться голова. Во всяком случае, все поплыло перед глазами.

– Знаешь, – сказала женщина, – это не очень благодарное занятие. Это не мастерство боя. И вообще...

– Тогда зачем вы этим занимаетесь? – спросила Эльга.

Толпа у изгороди разразилась радостными криками, приветствуя вставшего дядю Вовтура. Плечо у него снова сидело нормально, а не торчало бугром. Мастер Крапин Гампелин повел его к односельчанам.

– Кому снять головную боль? – спрашивал он громко. – Выправить вывих? Выдавить чирей? Все можно!

К нему уже тянули руки желающие.

Женщина-мастер смотрела на него со странным выражением лица.

– Вы тоже могли бы стать лекарем, – сказала ей Эльга.

– Нет. – Женщина поправила на доске несколько листьев. – Моя судьба – здесь, в таких портретах. Знаешь, что мне говорил мой наставник? Не важно, чем ты пытаешься овладеть. Важно достичь в своем деле совершенства.

– А вы достигли? – спросила Эльга.

– Нет. Это не так быстро происходит.

– А почему листья?

Женщина пожала плечами.

Мастер-лекарь вернулся к ним, в конец двора, по очереди прижав ладонь ко лбу тети Амины и деда Фантиля, а также повожившись с локтем Дорка Дигтеса.

– А сейчас, – объявил кафаликс, – мастер листьев Унисса Мару.

– Иди к своим, – сказала женщина девочке и, подхватив сак и несколько дощечек, направилась к поставленному кафаликсом стулу.

Сев, она долго перебирала дощечки на глазах у притихшего народа, словно дожидаясь, когда Эльга проскользнет мимо нее к изгороди.

– Ёрпыль-гон! – Рыцек затряс Эльгу за плечи. – Куда ты побежала? Мастер боя из-за тебя дяде Вовтуру плечо повредил!

– А мастер-лекарь починил!

– Дура!

– Тихо вы! – цыкнул на них дядя Вовтур, скособочившийся рядом на чурбачке.

– Я делаю портреты, – сказала женщина-мастер, мазнув взглядом поверх голов. – Портреты из листьев. Из разных листьев. Они не простые, они поднимают настроение, служат для памяти, приносят мир в дом.

– И все? – разочарованно протянул кто-то.

– Не только. Портрет посложнее возьмет на себя беду. – Унисса огладила пустую доску. – Кто хочет получить портрет?

– Я, – сказал дядя Сарыч.

– И я, – сказала тетушка Тельгин.

Женщина-мастер попросила желающих выйти вперед и какое-то время, запустив руку в сак, молча их разглядывала.

Листья сыпались на землю.

Затем Унисса Мару провела над доской ладонью и бросила на нее целый лиственный ворох, будто крупу в котел. Часть листьев сдуло, но большинство задержалось, прилипло, выгибаясь и трепеща краями. Желтые, красноватые, темно-зеленые, серебристые. Женщина принялась приминать их и складывать, пальцы ее работали быстро-быстро, заставляя доску отзываться легкими звуками: пум-пум-пум. Где-то отрывались кусочки, где-то подгибались черенки, где-то лиственная мякоть, сдавленная, давала белесый сок.

Эльга заметила, что на мизинце мастера специально выращен и подпилен ноготь, которым делались надрезы или удалялись кромки. Ноготь жил словно сам по себе, безошибочно очерчивая границы портрета.

– Ну вот, готово, – сказала Унисса тетушке Тельгин, отставив доску на вытянутых руках. – Можете взять.

– Могу?

Тетушка Тельгин несмело подступила к мастеру, приняла портрет, развернула к себе. Несколько мгновений ее глаза скользили по доске, по листьям, мучительно не зная, за что зацепиться. Затем тетушка Тельгин расхохоталась.

– А ведь я, верно, я!

Лицо ее расцвело румянцем.

Похохатывая, недоверчиво качая головой, она вернулась с доской к изгороди, и там тоже заохали, засмеялись, заговорили вразнобой, разглядывая портрет.

– А лет-то тебе убавили!

– А грудь прибавили!

– Ах, веселая!

Тетушка Тельгин, хвастаясь, пустила мастерство по рукам. Листья трепетали, листья смотрели в мир насмешливо и открыто. Было совершенно удивительно, как в этом пятнистом узоры можно что-то разглядеть. Но стоило чуть тронуть доску, и улыбка тетушки Тельгин расцветала на ней, а выше проступали и ольховый нос, и глаза из мелких лодочек чебыча, и темная, сливовая прядка волос.

Унисса между тем уже работала над портретом дяди Сарыча, мрачного, недавно схоронившего свою жену селянина. Сарыч сунулся и тревожно тискал штаны на коленях.

Мастер отбирала для него листья темные, суховатые, ломкие, складывала, проводила ногтем, будто ножом по горлу.

Сарыч кхекал.

Кафаликс подошел, молча, сдвинув колпак, заглянул через плечо и так же молча отправился к вынесенному из гостиницы столу с пуншем.

– Что ж... – Унисса Мару сдула с доски лишнее. – Принимайте.

Дядя Сарыч сделал шаг вперед и застыл.

– Вы, наверное, зря это, госпожа мастер, – произнес он глухо. – Передумал я. Если позволите, то не надо мне...

Унисса сощурилась.

– Ты сейчас хочешь оскорбить меня, селянин?

Сарыч, побледнев, замотал головой.

– Что вы, госпожа мастер!

– Тогда бери свой портрет, – ледяным голосом приказала Унисса.

Народ за изгородью притих.

Дядя Сарыч, поникнув, мелкими шажками приблизился к мастеру листьев и принял из ее рук доску.

– Посмотри, – все тем же, не допускающим пререканий тоном скомандовала Унисса.

Сарыч повернул доску.

Лицо его дрогнуло, в глазах блеснули слезы. Несколько мгновений он оглаживал дерево ладонями, боясь коснуться листьев, затем прижал его к груди.

– Госпожа мастер...

Дядя Сарыч упал перед Униссой на колени.

– Встань, – сказала ему Унисса, и Эльге захотелось вцепиться ей в светлые волосы – в голосе было больше железа, чем в хорошем ноже.

«Дяде Сарычу и так плохо!» – чуть не крикнула она. Но Сарыч послушался мастера и поднялся. Щеки его были мокрыми.

– Благодарю, госпожа.

– Иди, – сказала ему Унисса.

Дядя Сарыч кивнул и так с портретом на груди, тихий и светлый, вышел за изгородь, мимо людей, к своему дому.

Мастер листьев забросила лямку сака на плечо.

– Если кто хочет учиться у меня, буду рада.

Она уже повернулась, чтобы идти в конец двора, к мастерам-мужчинам, но замерла, посмотрела через плечо на дядю Вовтура:

– А ты чего ждешь? Видел же, что я и твой портрет сделала.

Дядю Вовтура подбросило с чурбачка.

– Ну, я это... – Он старательно прятал глаза от Униссы – словно то в траве, то в обломке жерди натыкался на что-то важное. – Я не против, конечно...

Эльга выпучила глаза на дядю Вовтура – необычно скованного и несмелого, а вдобавок еще и густо покрасневшего.

– Ладно, – улыбнулась Унисса и всему народу объявила: – Вечером приходи.

Эльга от возмущения набрала в рот воздуха, да так и замерла, как жаба на болоте. Ясно почему вечером! У дяди Вовтура жены нет.

– Это же вообще! – шепнула она Рыцеку.

– Взрослое дело, – пожал плечами тот.

– Но она мастер!

Эльга оглянулась, ища поддержки, но люди смеялись, переглядывались, а кто-то даже хлопал глупо хихикающего счастливчика по плечу. Эльге захотелось провалиться в самое пекло, так ей стало стыдно за дядю Вовтура.

– А теперь, – громко возвестил кафаликс, – встречайте Тарзема Ликко, мастера животных и птиц!

Высокий худой мужчина поклонился народу и развел руки. На них тут же сели сойка и маленькая, гнездящаяся у коньков крыш пугливая кычка.

Эльга слушала вполуха, что мастер выводит мышей, кротов и лечит скотину.

Ей хотелось то ли разреветься, то ли залезть куда-нибудь в колючие чепчуи́ник или малинник, чтобы царапинами на руках и лодыжках уравновесить то, что наглость и простота мастера листьев сделали с ее душой.

«Ну как так можно?! – думалось Эльге. – Другие люди что, не люди для нее? Тот же дядя Сарыч... Подумаешь, она что-то из листьев складывает! Другие и то более полезные мастера».

Она пролезла через ограду на улицу и побрела домой.

– Завтра! – нагнал ее голос кафаликса. – Все дети до четырнадцати лет, желающие обучаться мастерству, смогут выбрать мастера! Тридцать монет родителям! Контракт с кранцвейлером Края Дидекангом Руе! Тридцать эринов!

Эльга прижала к ушам ладони.

Мать, ходившая к отцу на поля, встретила ее длинной, гибкой вицей и руганью.

– Ты на кого двор бросила? А? Тебя кто отпустил? Свиньи забор подрыли, у несущек воды нет, посуда не вымыта!

Вица, со свистом взрезав воздух, нашла Эльгину спину.

– Ай! – вскрикнула Эльга. – Я все сделаю, мамочка.

Она обежала врытую поилку. Мать погналась, придерживая подол длинного платья, потому что проступок был серьезный и одного шлепка прутом для учения непутевой дочери было недостаточно.

– Стой! Стой, Эля! Я тебе!

– Мамочка, я все поняла!

Эльга пронеслась сквозь хлев, кисло пахнувший животным теплом, перескочила через ягодные грядки и спряталась за высоким домашним крыльцом. Отставшая мать появилась из темноты пристройки и, выглядывая Эльгу, остановилась в воротах.

– Эля!

Вица стегнула ни в чем не повинную створку.

– Все равно получишь у меня!

Эльга прижалась к боковым чурбакам, стараясь сделаться как можно незаметнее.

– Что, – спросила мать, – нашлось что-то более важное, чем работа по хозяйству? Ну же, поделись, доченька. А я послушаю.

Из-за угла дома вышла коричнево-рыжая курица и остановилась, глядя на девочку бесмысленными глазами.

– Брысь! – шепнула ей Эльга.

– Не думай, что я забуду, – приближаясь, сказала мать.

Дура-наседка пялилась, поворачивая глупую голову.

– Пошла! – Эльга, стянув с головы платок, замахнулась им на курицу.

Наседка кудахтнула.

– Вот ты где!

Мать закрыла всякий свет, нависнув сверху. Курица, как исполнившая свой долг, удалась, высматривая что-то в рыхлой земле.

– Мастера! – крикнула Эльга, зажмурившись. – На постоянный двор прибыли мастера!

Ни удара вицей, ни чего другого не последовало.

– Вот как.

Мать опустила на ступеньки. Старое дерево скрипнуло под тяжестью ее тела. Она была не то удивлена, не то пришиблена новостью. Эльга покинула свою прятку и осторожно присела рядом. Материна рука неуверенно, вслепую огладила ее волосы.

– Значит, хочешь идти в мастера?

Эльга сначала мотнула головой, а затем кивнула.

– Я не могу тебе запретить, – с неживой улыбкой сказала мать. – И отец не может. Это давнее правило. Но мастерство... Мастера – одинокие люди.

– Я буду вас навещать, – сказала Эльга.

– Конечно. – Мать вздохнула. – Конечно, будешь. Пока это не станет тебе в тягость.

– Вот еще! Может, меня и не возьмут вовсе.

– Может быть... – Мать потерела прядки у Эльги за ухом, странным, пустым взглядом уставившись на крышу дровяного сарая. – Ты уже выбрала, каким мастером хочешь стать? Переучиться будет уже нельзя, знаешь?

– Совсем-совсем?

– Да.

Мать повернула к себе Эльгино лицо, вглядываясь в него с непонятной жадностью.

– Я хочу стать мастером листьев, – произнесла Эльга, вдруг осознав, что да, именно это и есть ее самое искреннее, самое страстное желание.

Несмотря на то что Унисса Мару ей совсем не нравилась.

Утром Эльгу разбудил отец, серьезный, хмурый, в чистых штанах, рубаше и короткой куртке с вышивкой. Тронул за плечо, убрал прядку со лба.

– Одевайся, – сказал он. – Скоро идти.

На краю кровати ее ждало платье, которое она до этого надевала всего раз, на свадьбу старшей сестры.

Эльга здорово удивилась, когда обнаружила, что и сестра, живущая на другом конце деревни, тоже здесь, причем не одна, а с мужем. Так что завтракали торжественно, впятером. Вместо каши был пирог и половина жареной курицы.

Ели тихо, сестра Тойма шмыгала носом, и у Эльги сложилось впечатление, что она присутствует чуть ли не на собственных поминках.

Ей стало тревожно, и она сказала:

– Вы что? Я же не умерла!

Мать улыбнулась ей, подложив ладонь под морщинистую щеку. Отец хмыкнул. Тоймин муж почему-то замер с куриной костью в зубах, а сама Тойма выдавила дрожащим голосом:

– Конечно, нет, милая, конечно, нет.

– Я буду к вам приходить! – сказала Эльга. – Я обещаю!

– У мастеров слишком много дел, – вздохнула мать.

– Но я же еще не мастер! – возразила Эльга.

– Ладно, – стукнул по столу отец, – нечего!

Все засобирались и вышли во двор. На ступеньках крыльца мать развернула Эльгу к себе, посмотрела и, нагнувшись, поцеловала в щеку.

– Не серчай, если что было не так.

Глаза у Эльга набухли слезами.

– Мам, ну что ты, мам! – торопливо заговорила она, чувствуя, как катятся по щекам горячие капли. – Я могу никуда не идти! Я буду с вами!

– Нет-нет, – сказала мать, – ты все правильно делаешь.

– Мам...

Отец поймал Эльгу за руку и повел со двора. Ей осталось только оглядываться через плечо. Вот мама. Вот Тойма обняла ее.

– Пока, сестрица!

Вот мама отворачивается.

И все, все – дом повернулся облезлым боком, мелькнул бревенчатый торец, оставил памятку в сердце желтый ставень.

Почему ее губы прошептали: «Прощай»? Почему? Почему?

А впереди так же вели Рыщека. Они догнали их, и Эльгин отец пожал руку отцу Рыщека. Они обменялись какими-то непонятными фразами. Или это Эльга уже плохо слышала и ничего не понимала?

Рыцек вышагивал серьезный, как сто мастеров. В новых башмаках, в широких штанах, в перешитой отцовской куртке. Покосился на Эльгу, ничего не сказал. У самого глаза красные, тоже ревел, наверное.

Ну и ладно.

Эльга даже руку свободную за спину спрятала. Обойдется.

Впереди шли еще дети с одним или двумя родителями. Эльга увидела Тиндоль, Хайлига, Ом-Гума, почти всех, с кем ходила в воскресную школу, где их учили письму, счету и Уложениям Края и Пранкиля.

Все были донельзя торжественные, и торжественность эта выпирала хмуростью лиц, скупостью жестов и какой-то мертвечинкой в глазах.

Эльга подумала, что родители словно похоронили их всех, а они, осознавая это, теперь и шли по памяти, как деревенские неупокоенные, которых приезжий мастер-темень Игамар упокаивал обратно два года назад. Только тех было всего трое, а здесь, наверное, их уже за дюжину набралось. Чего скрывать, мастера редко от кого отказывались.

Эльга крепче сжала отцовские пальцы.

Отец поймал ее взгляд и подмигнул, только не весело, возможно, тоже по памяти, что была у него младшая дочка...

Эльга шмыгнула носом. Больше всего ей захотелось вдруг вырвать руку и побежать обратно, возвращая себе друзей, сестру, маму. Беззаботные тринадцать лет. Она даже была согласна на некрасивого сестрино мужа, который увел Тойму в другой дом.

Впрочем, длилось это недолго. Желание схлынуло, и Эльга лишь в который раз пообещала себе, что обязательно будет навещать родных.

За оградой постоянного двора на песчаной полянке темнели столы. Их было пять: четыре – для мастеров и один – для кафаликса. У стола для кафаликса в стеганых красно-синих куртках стояли стражники и сторожили окованный железными полосами массивный сундук с эринами. Еще два стражника стояли у ворот и пропускали только родителей с детьми.

Отец и Эльга прошли внутрь.

Было как-то тревожно и тихо. Мало кто переговаривался. Схваченный взглядом Рыцек смотрел прямо перед собой. На площадке, где вчера выступали мастера, все никак не могла распрямиться трава.

Хлынул, пошевелил стебли ветерок, продолговатый лист, коричневый, с фиолетовыми жилками, вынесло к Эльгиным ногам. Она наклонилась, подобрала, спрятала в кармашке платья. На счастье.

Постоялый двор раскрыл скрипучие двери, и наружу по одному в темных походных плащах потянулись мастера. Ближний стол занял мастер боя, дальше – мастер зверей и птиц, за ним – лекарь. Унисса Мару с перекинутым за спину неизменным саком гордо проследовала за последний стол. Села, равнодушно оглядывая собравшуюся толпу.

Потянувшись, вышел кафаликс с темной шкатулкой, важно проплыл на свое место, приподняв колпак, причесал редкие кудри.

– Итак, – возвестил он, – согласно Уложению Края и высокому изволению кранцвейлера Дидеканга Руе объявляю набор в мастера местечка Подонье Саморского надела!

– Ну, – сказал Эльге отец, – пошли?

– Сейчас, пап, я соберусь немножко.

Он присел перед ней.

– Страшно?

Эльга кивнула.

– Это просто начинается новая жизнь, – сказал отец. – Она будет другая, не как здесь. Ты увидишь новые земли, научишься мастерству. Мастера нужны людям, ты же видела вчера.

– А вы?

Отец улыбнулся. Эльга вдруг обнаружила, что вокруг глаз у него морщинки, одна щека выбрита небрежно, над бровью косой шрамчик, а глаза серые и чуть-чуть зеленые.

Раньше она почему-то не замечала этого, и ей стало пронзительно больно от того, что такие бесконечно важные мелочи прошли мимо.

– Мы останемся здесь, – сказал отец. – И будем ждать тебя, если тебе вдруг захочется нас навестить.

– Мне захочется, – сказала Эльга, на несколько мгновений ныряя лицом в складки отцовской куртки.

– Тогда пошли?

– Да.

Эльга вытерла глаза ладонью.

Дети уже выстроились перед столами. Мальчишки, конечно, почти все стояли перед Эльмуrom Изори, мастером боя. В том числе и Рыцек. Четыре девчонки выбрали мастера-лекаря. Трио из долговязой дочери тети Гунабун, ее подружки и тихого мальчика, который, кажется, сидел в воскресной школе на заднем ряду, замерло рядом с мастером зверей и птиц. Перед Униссой Мару никого не было. Но мастера листьев это словно и не занимало. Она смотрела

перед собой, в пустоту поверх голов, и только губы жили на ее лице – сжимались в тонкую линию и текли уголками вниз.

Эльга встала напротив.

– Ты, наверное, ошиблась, – сказала мастер, продолжая смотреть мимо.

Ее худые щеки расцвели красными пятнами.

Эльга потискалась в кармашке лист, прилетевший к ногам, оглянулась на застывшего у ограды отца и твердо произнесла:

– Я хочу быть мастером, как вы.

Унисса Мару перевела на нее взгляд холодных глаз.

– Я же тебе не нравлюсь.

– Ну и что, – сказала Эльга, – я вам, наверное, тоже.

– Это верно. Что ж, – сказала мастер, криво улыбнувшись, – это твой выбор, давай руку.

Девочка протянула ладонь.

Унисса Мару извлекла из просторного рукава гладкий деревянный цилиндр, дохнула на него, заставляя на мгновение осветиться, и стукнула им по тыльной стороне Эльгиной ладони. На коже отпечатался зеленоватый листик с остренькими зубчатыми краями.

– Будет жечься, – сказала мастер. И добавила: – Можешь идти с отцом к кафаликсу за наградой.

– А потом?

– Потом он уйдет, а ты останешься, – сказала Унисса Мару. – А завтра утром мы отправимся в Дивий Камень. Мне нужен был всего один подмастерье.

– Но я могу попрощаться...

– Нет, – сказала мастер и встала из-за стола, – попрощаться ты не можешь. Я жду тебя в третьей справа комнате наверху.

У кафаликса выстроилась небольшая очередь.

Скрипела крышка сундука, звенели эрины, в листы бумаги, извлеченные из шкатулки, вписывались имена и выбор мастерства. Рыцек, стоящий впереди, на мгновение обернувшись, показал Эльге тыльную сторону ладони с краснеющим знаком – двумя скрещенными мечами. Улыбка – до ушей, а зуба справа и сверху – нет. Мастер боя, ага, хоть сейчас на портрет.

– Имя, – сказал кафаликс, когда очередь дошла до Эльги.

– Эльга Галкава, – сказал за Эльгу отец.

– Руку.

Кафаликс посмотрел на знак, хмыкнул. Затеребил стилем по бумаге, выводя крючки букв. «...сенних...» – успела подглядеть Эльга.

– Тридцать эринов.

Стукнула крышка сундука, мешочек с монетами упал в ладонь отцу. Кафаликс махнул рукой, отгоняя Эльгу, будто муху.

– Все, девочка. Следующий!

Отец отвел ее к ограде.

– Ну что, – он присел перед дочкой, – мне, наверное, пора.

Эрины звякнули в кармане его куртки, и Эльга передумала плакать. Отец посмотрел на нее замершими глазами, чуть ли не вслепую огладил лицо и волосы, выбившиеся из-под платка. Пальцы его в конце дрогнули.

– Ну, все.

Он выпрямился.

Несколько мгновений – и отец, сутулясь, выбрался с постоянного двора за ограду. В толпе собравшихся Эльга заметила бледное лицо сестры и помахала ей рукой.

Не больно, расставаться не больно.

Эльга закусила губу и отвернулась. А потом медленно побрела в гостиницу, обходя мастеров и подмастерий.

Внутри было пусто. Дядя Велькаст кивнул ей и продолжил натирать стойку, ожидая, наверное, что та вот-вот заблестит зеркалом, отражая его лицо. Пахло подгоревшим мясом и свежевыпеченным хлебом. Эльга заметила листик, прибившийся к ножкам лавки, и безотчетно его подняла. Рука с отметиной мастера вдруг нестерпимо зачесалась, хоть вцепляйся в нее зубами. Девочка спрятала ее под мышку. Стало чуть-чуть легче.

Широкая расшатанная лестница привела Эльгу на второй этаж, в темный коридор с маленьким окном под сходящимися стропилами. Беленые стены. Первая, вторая, третья дверь. За дверью было тихо.

– Входи уже, – услышала Эльга глухой голос мастера. – Топчешься, топчешься...

– Я не топчусь.

Девочка толкнула дверь.

Унисса Мару в одежде лежала на кровати, подсунув руки под голову. Светлые волосы рассыпались по соломенной подушке. Сак с листьями серой гусеницей расположился в ногах.

– Не стой на пороге.

Унисса глазами показала подойти к кровати. Эльга заметила несколько сложенных в углу кусков холста, растянутых между реек. Приблизившись, она убрала руки за спину. Мастер разглядывала ее и молчала.

– Помнишь, что был за лист, который ты поймала вчера? – наконец спросила она.

– Сливовый, – произнесла Эльга.

Унисса кивнула.

– Молодец. Первый урок: сливовые листья плохо дружат с дубовыми и тамариском, портят букеты. Но хорошо сочетаются и с вереском, и с верещанкой, и с орешником, и с вишней. Букетам слива придает мягкость, но излишнее количество ее отдаст приторностью и ложью. Поняла?

Эльга кивнула.

– Ничего ты не поняла, дурочка, – вздохнула мастер. – Ладно, с этим позже. Твое первое задание... – Она перегнулась и стянула с лавки отрез грубого полотна. – Возьми.

Но когда Эльга, набычившись, не сделала движения навстречу, глаза женщины превратились в серые ледышки.

– Я сказала: возьми! – процедила Унисса сквозь зубы.

Злюка!

– Я не дурочка вам! – выдавила Эльга и даже топнула ногой в подтверждение своих слов.

– Что? – фыркнула мастер. – Может, ты сразу набьешь букет? Из молочая или пустычника? Или, может, из моховой бороды?

Приподнявшись, она швырнула холстину девочке в лицо.

– Ты – дурочка и таковой останешься, пока я не признаю твою работу стоящей! Твое первое задание – сшить себе сак. Нитки и игла – на окне. Лямка и жила для горловины – там же.

– Я...

Эльга хотела сказать, что так никого не учат, но боль вдруг проросла в ней листьями, стянула горло и набилась в рот, оставив лишь возможность негромко мычать. Пачкая платье, она упала на колени.

Унисса Мару неожиданно оказалась рядом.

– Запомни, девочка, – прошептала она Эльге в ухо, оттягивая его вниз, – я поставила свою печать, а крапцвейлер Края заплатил за тебя тридцать эринов. Ты теперь принадлежишь мне и ему. И подчиняешься мне и ему, но ему – когда выучишься. Ты теперь подмастерье, у которого нет никакого «я». Все желания подмастерья – это желания его мастера. Ни семьи, ни друзей, ни знакомых. Я – за всех. Поняла?

Отточенный ноготь царапнул подбородок.

Слезы закапали из глаз Эльги. Лицо ненавистной Униссы Мару затуманилось, превратилось в серое пятно, отдалилось. Щекам стало жарко, а подбородку – холодно. В груди, в сердце в тугой, колющий клубок сворачивались боль и обида, и грустный взгляд отца, и покрасневший дядя Вовтур, и ладонь матери, и обещание навещать, и тридцать эринов, и много чего еще.

Когда Эльга, уже не всхлипывая, поднялась с колен, мастер снова обнаружилась лежащей на постели. Пальцы ее так и смяк вертели мелкий желтоватый листок.

– Ты все поняла? – спросила она, даже не повернув головы.

– Да, – глухо ответила Эльга.

Поджав губы, она подняла кусок полотна с пола.

– Нитки и игла на подоконнике, – сказала Унисса Мару.

– Да, мастер.

– Мастер Мару.

– Да, мастер Мару, – повторила Эльга, присаживаясь на лавку у окна.

В мутном стекле на мгновение мелькнул яркий, залитый солнцем двор, ограда и мальчишки, шагающие куда-то с мастером боя.

– Стежки должны быть мелкие, – проговорила Унисса, – для горловины есть шило.

– Да, мастер Мару.

Мастер села на кровати и какое-то время молчала, наблюдая за хмурой Эльгой с насмешливым интересом.

– Так будет лучше, – сказала она вдруг. – Поверь мне.

Эльга вдела нить в иглу. Первые аккуратные стежки соединили края холстины.

– Почему?

Унисса вздохнула.

– Потому что детство кончилось, а обучение началось.

– И я буду как вы? – с надрывом произнесла Эльга.

– Дурочка, – улыбнулась Унисса. – Я сделаю тебя лучше, чем я.

– И зачем?

Стежки дошли до середины, нитка кончилась. Эльга размотала моток.

– Зачем что? – спросила Унисса.

Она подвинула свой сак, чтобы удобно было залезть в него рукой, и подняла с пола окаймленный рейками прямоугольник. Ладонь ее зачерпнула листьев и рассыпала их по холсту. Против обыкновения они легли, будто прилипли. Ни один не отскочил, ни один не сломался и не упал на кровать.

Мастер, прищурившись, отщипнула несколько лишних, по ее мнению, кусочков, а где-то быстро подрезала длинным ногтем.

Эльга смотрела не дыша.

– Так про что ты? – спросила Унисса.

– Про мастерство.

– Сначала скажи, что здесь не так.

Мастер перевернула холст, показывая его девочке. На нем из застывших листьев, желтых, бледно-зеленых и розоватых, проступила комната, в которой они сейчас находились. Низкий скат, легкий мазок окна, стена с сундуком и зеркалом. И немного солнца. Фигурка же самой Эльги, скрючившейся у подоконника, казалась темным красноватым комочком, одиноким и вызывающим жалость.

– Ну, – поторопила Унисса, – что здесь неправильно?

– Я, мастер Мару, – тихо сказала Эльга.

– Нет. Попробуй еще раз.

Эльга привсталась, разглядывая картину. Центр холста оказался на уровне ее глаз, и как-то сразу стало понятно, что фигурка у подоконника на самом деле гармонично сочетается с остальным рисунком. Листья смешивались, сцеплялись краями, наполняя воссозданную на полотне комнату верно схваченными деталями: паутиной в темном углу, жестяным тазом, при-
ткнувшимся к сундуку, полотенцем на гвозде.

Только с левого края, у входа... То ли один из листьев чуть выбивался цветом, то ли был лишним.

– Там, где дверь, – сказала Эльга.

– Теперь правильно, – одобрительно кивнула Унисса. – Не тот лист попался.

Она ногтем поддела неполучившееся место.

Лист просыпался трухой. Рука мастера нырнула в сак за новым претендентом. Язык смочил коричневые зубцы.

– Смотри теперь.

Холст вновь повернулся к Эльге.

В маленькой комнатке у окна сидела печальная лиственная девочка и думала о своей судьбе.

– Красиво, – сказала Эльга и склонила голову к стежкам.

Нитка нырнула с одной стороны полотна и вынырнула с другой.

– А насчет того, зачем это все, – помолчав, проговорила Унисса, – есть много ответов. Какой ты выберешь, такой и будет верный. Иногда все случается, потому что случается. И ты здесь потому, что ничего другого произойти с тобой не могло. Я думаю, и твои родители, и прочие понимают это лучше тебя.

– Но зачем мастерство?

– Неправильный вопрос. Дурацкий.

Эльга проглотила обидный ответ.

– Тогда для чего?

Унисса расхохоталась.

– А солнце для чего? А дождь? А ветер? А рябь на реке? Спроси еще, для чего живут люди. Хотя... – Лицо ее вдруг сделалось серьезным. – Знаешь, когда-то я задала тот же самый вопрос. Только вот совершенно не помню, что мне ответил мастер Крисп. Но он был большой молчун, так что, возможно, он не проронил ни слова.

– А где он сейчас? – спросила Эльга.

– Умер.

Эльга насупилась. Нитка дважды перекрестила ткань у намечающейся горловины, и игла потянула ее обратно, в повторный проход.

– На самом деле, – сказала Унисса, отставив портрет к стене, – ответ у каждого свой. Спроси у каменщика, зачем он стал каменщиком. Или у мельника – для чего он мельник. Или у скобара – почему он скобарь. Знаешь ответ?

Эльга повернула полотно.

– Они скажут: дурочка.

– И будут правы, – кивнула мастер. – Потому что кто-то занимается своим делом по велению души, кого-то научил этому отец, кто-то потому, что не видел в жизни ничего, кроме своего занятия, а кто-то ищет заработка. Мастера, моя хмурая ученица, в этом ничем не отличаются от обычных людей. Но...

Она вывалила горсть листьев из сака прямо на кровать и ребром ладони резко разделила их на четыре кучки. Пальцы ее поплыли над кучками, и Эльга увидела, как листья, подчиняясь движениям рук, переворачиваются и меняются местами, будто карты-бери в колоде.

Несколько, видимо, никуда не годных зеленых и желтоватых чешуек сами отлетели в сторону, остальные с шорохом перемешались.

– Отличие мастеров состоит в том, – сказала Унисса, сосредоточенно колдуя над кучками, – что у них есть цель. Каждый мастер одержим своим умением. Как только печать ставится на кожу у запястья, выше умения нет уже ничего.

– А зачем...

– Еще один дурной вопрос?

– Нет, – сказала Эльга, – я просто хотела узнать... Вот если мастер, как вы, день и ночь занимается с листьями, то чего он хочет достичь?

Унисса, убрав листья, молчала долго.

Эльга успела прошить дно и обметать будущую горловину сака.

– Дай-ка, – потребовала мешок мастер.

Эльга, связав узел, откусила нить.

Унисса взяла сак и вывернула его, проверяя плотность и крепость шва, потом, засунув внутрь руку, прощупала углы, кивнула:

– Хорошо.

Красный лист появился в ее пальцах.

– Это чарник, лист очень непростой, ты с ним еще наработаешься, это лист своенравный, но честный, мокрый пахнет резко, сухой – чуть отдает чесноком. Теперь смотри.

Унисса опустила лист в сак и перехватила горловину ладонью.

Несколько мгновений не происходило ничего, потом мешок вдруг ожил, округлил бока, «задышал», по полотну побежали волны, словно внутри завозилось непонятное и нервное существо. Сак задергался у мастера в руке, пытаясь вырваться и выпрыгнуть в окно.

Эльга смотрела, широко раскрыв глаза.

– Одно из свойств чарника – он чувствует яды, растворенные в воде или вине, – сказала Унисса. – А некоторые подкладывают его в сапоги, чтобы дольше служили. Часто, на удачу, его прищепляют к плугу или к мельничному колесу.

Она разжала ладонь, и лист под судорожный выдох Эльги стрелой вылетел из сака и, медленно опускаясь, закружил под потолком.

– Ну вот, ритуал соблюден.

Чарник, будто бабочка, опустился Униссе на ладонь.

– И что теперь? – спросила Эльга.

– Теперь твой сак научился хранить листья. – Мастер перекинула мешок девочке. – А насчет совершенствования... – Она усмехнулась. – Ты слышала что-нибудь про вечные вещи, снадобье от всех болезней, непобедимую защиту?

Эльга мотнула головой.

– Вот к этому и стремятся мастера, – сказала Унисса. – Каждым, и тобой теперь, получается, тоже, движет стремление стать грандалем, великим мастером, исполненным божественного могущества. Когда человек достигает такой высоты мастерства, что становится грандалем, он может изменить мир.

– Я не чувствую в себе ничего такого, – сказала Эльга.

– Оно в тебе есть, это желание, уж поверь мне, – сухо улыбнулась Унисса. – Печать никогда не падает просто так.

– А вы, мастер Унисса, зачем хотите стать грандалем?

Мастер листьев, раскинув руки, рухнула на постель.

– А вот это, глупая ученица, не твоего ума дело. И распори сшитое у горловины – понадобится для лямки. Поняла?

– Да, мастер. Но я...

– Эх, дурочка... В твои годы предпочтительней держать язык за зубами. Мне хватило одного лишь обещания мастера Криспа меня выпороть, чтобы больше не возражать и не задавать глупых вопросов. Тебя выпороть?

Приподняв голову, Унисса посмотрела на Эльгу.

– Нет, мастер, – сказала девочка.

– Молодец. Все ответы – в твоей голове. Думай, – сказала мастер и отвернулась к противоположной стене.

Эльга хотела спросить, когда будет обед и можно ли ей выходить из комнаты, но, прислушавшись к ровному дыханию Униссы, решила повременить.

Взяв шило, она навертела в полотне дырок, затем продела в них черную перекрученную жилу.

Ей вдруг стало грустно. Сак слабо пах чарником, и Эльге вспомнился чердак, на котором мать сушила чеснок.

Не верю, подумала она, что мастерство высосет из меня все силы. Отучусь, стану мастером и обязательно вернусь домой.

Она пообещала себе, что так и будет.

Лицо матери на мгновение возникло перед внутренним взором, но быстро пропало, теряя черты, дернуло, царапнуло по сердцу.

Эльга закусил губу.

Это, конечно, с ума сойти – все время работать с листьями. Жить с листьями, спать с листьями. Даже, наверное, разговаривать с листьями. Как вам спалось, осиновый? Дуб, хватит уже липнуть к липе! Есть ли свежие новости, тысячелетник?

Эльга покопалась в кармашках платья и опустила в сак свои первые листья – сливовый, улетевший от Униссы, и коричневый, с фиолетовыми прожилками, подобранный во дворе.

Ну вот, с новосельем, жилыцы.

Затем она распоролла участок у горловины и пришила к изнанке конец лямки из тонкой шершавой кожи. Отмерив нужную длину, чтобы сак не болтался в ногах, но и не натирал в подмышке, Эльга еще дважды прошлась иглой, соединяя нитью второй конец лямки и плотный нижний угол. Получилось неказисто, но надежно, крепко.

И что теперь?

Унисса не шевелилась и дышала едва слышно. За ограду выкатили экипаж кафаликса и под его присмотром грузили сундуки и тюки с одеждой. Один из слуг, оглаживая, подводил к экипажу кобылу вороной масти.

Кожу там, где мастер оттиснула печать, чуть-чуть пощипывало.

Эльга осторожно притронулась к ней, поводила пальцем, ощущая выпуклость зеленого зубчатого листа. Слух наполнился шелестом.

Интересно, подумала Эльга, сколько времени нужно, чтобы стать грандалем? Или надо сделать что-то, чтобы все ахнули? Но какое такое всемогущество может составить из летних, весенних, осенних листьев?

Ага, все ответы в моей голове... Что-то вот ни одного не видно. Может, мастер Унисса и сама не знает ответов?

Эльгу незаметно сморил сон, и она, прижимая сак к животу, обнаружила, что он, вспухая, становится все больше и больше, раздается в стороны и вверх и вот уже занимает собой всю комнату, принимаясь опасно трещать, а внутри него сердито шепчутся листья: «Эта девочка никуда не годится, она нас не чувствует, она не знает, где уместен папоротник и что обозначает ясень. Она вообще дурочка. Какой кошмар, не находите?»

Эльга хотела сказать им, что если они не заткнутся, то она непременно сделает из них плохой ученический портрет, но не успела. Сак неожиданно лопнул, плеснув девочке в лицо теплой лимонной водой.

– Я разве что-то говорила о сне?

Эльга, поморгав, увидела стоящую перед ней Униссу.

– Простите. Я заснула?

- Да, – ответила мастер, ставя кувшин на низкий столик. – Листья снились?
Эльга кивнула.
- Шептали, что я дурочка.
Унисса фыркнула.
- Знала бы ты, что они мне шепчут! Ладно, – она выглянула в окно, – похоже, наш Палам-пер уже собрался в дорогу. Значит, все мастера набрали учеников. Ну что, пойдем?
- Куда? Вы же хотели завтра...
- Унисса вздохнула и небольно щелкнула Эльгу по мокрому лбу.
- Это в Дивий Камень завтра, а сейчас мы обновим твой сак. К этому вдобавок немного пройдемся, я хочу посмотреть, что здесь растет кроме сливы и яблони. Вытрись.
- Она подала девочке полотенце.
- А как может стать грандалем мастер листьев? – спросила Эльга, кое-как осушив полотенцем лицо.
- Работая, – сказала Унисса, определяя свой сак за спину. – Работая и совершенствуясь. В какой-то момент придет понимание, что ты можешь все.
- Я вот как раз не понимаю, – сказала девочка.
- Собралась? – Унисса проверила, как держится Эльгин сак на лямке. – Я сама еще не понимаю, потому что не грандаль. Но стану – обязательно тебе расскажу.
- А я тоже могу стать грандалем?
- Они вышли из комнаты и спустились по лестнице вниз.
- Знаешь, – сказала мастер, – все зависит от того, сколько листьев у тебя в голове.
- Листьев?
- Это такая поговорка. А уж что она означает, я думаю, ты сообразишь сама. Или мне и дальше называть тебя дурочкой?
- Как скажете, мастер.
- О, ты делаешь успехи, – насмешливо сказала Унисса.
- Она переговорила с дядей Велькастом насчет обеда, а Эльга сердито думала, что обзывать – много ума не надо. Кожу под печатью на это ущипнуло, но совсем не больно.
- Выйдя со двора, Унисса сразу свернула к рошце, зеленевшей за узкой луговой полосой. Кривая тропинка спустилась к перекинутым через ручей бревнам и, раздвоившись, побежала налево, охватывая Подонье, и направо, к полям и амбару при водяной мельнице. Но мастеру не понравилось ни то ни другое направление, и она, бросив Эльге: «Не отставай!» – принялась прокладывать дорогу в высокой луговой траве.
- Она шла, прихватив подол платья, и казалось, что перед ней стебли расступаются, подаются в стороны, а затем мстительно сплетаются перед ученицей. Эльга выбивалась из сил, Унисса же, словно не замечая ее отчаянной борьбы со все увеличивающимся расстоянием, позволяла себе наклоняться и отщипывать редкие листки.
- Смотри, это горечавка, – сказала она, и узкая зеленая полоска на мгновение задержалась в пальцах, – хороша от болезней, в букете прибавляет здоровья...
- А почему в букете? – Эльга остановилась, переводя дыхание. – Наверное, вы хотели сказать «в портрете», мастер.
- Мастера всегда говорят «букет». Портрет – это, в общем, низкое слово. Среди своих его не произносят.
- А почему?
- Унисса, стоя по пояс в кипрее и чужице, окруженная мелкими синими и белыми цветами, пожала плечами.
- Портрет – это уже сформированное, свершившееся проявление мастерства. А букет... Это как бы само действие... Поняла?
- Нет, мастер.

– Я почему-то и не сомневалась. Догоняй.

Гудели шмели. Трещали кузнечики. Солнце жарило землю и будто горячую ладошку держало над Эльгиной головой.

Девочка споткнулась и упала.

Слезы обожгли уголки глаз, покатались по щекам. Было ужасно обидно, что ею командуют, как вещью. А она устала. И хочет домой. Сильно-сильно хочет домой.

– Что ты копаешься?

Унисса нависла над Эльгой.

Приминая кипрей, та повернулась к мастеру спиной и сжалась в комок.

– Я не хочу больше! – всхлипывая, сказала Эльга. – Вы злая! А я не хочу быть как вы! Это глупое мастерство...

Она зарыдала. Унисса опустилась рядом.

– Посуди сама, – мягко произнесла она, – ты – домашняя девочка, и если я буду ждать, когда в тебе прибавится ума, чтобы меня слушаться и понимать мастерство, время источит меня в худую щепку, которую и в букет не взять, только выкинуть.

– Но почему все так? – сквозь слезы произнесла Эльга.

– Потому что это жизнь, – сказала Унисса. – Она не всегда весела и справедлива и очень часто тяжела.

– А я не хочу!

– Кто ж этого хочет?

Девочка подняла голову.

– Вы!

– И еще обижаешься на дурочку, – улыбнулась мастер.

– Просто...

Эльга посмотрела в глаза Униссе и уткнулась в пахнущее листьями платье, хотя, наверное, мгновение назад ни за что бы этого не сделала.

– Просто мне пло-охо!

Лицо ее утонуло в складках ткани, в тепле чужого тела. Мастер, помедлив, огладила вздрагивающее Эльгино плечо.

– Это не дело.

– Де-ело...

– У нас есть работа, – сказала Унисса. – Станешь грандалем, реви сколько угодно. А пока нет времени. Ладно?

Эльга, судорожно выдохнув, кивнула.

– Ладно.

Утирая глаза, она поднялась на ноги.

– Собирай все, что тебе кажется интересным, – сказала мастер. – Это часть мастерства. Нужные травинки и листья должны сами идти в руку. Пошли.

Они миновали луг.

Унисса рассказывала про дрок, чужицу, лен и синие глазки, что с чем сочетается, что не сочетается, что чувство букета должно возникать на кончиках пальцев, это чувство придет изнутри, само, и что мастер Крисп под старость составлял букеты, пробуя листья на вкус.

– А так можно? – спросила Эльга.

– В конце жизни ему изменило зрение, – ответила Унисса. – Но букеты у него получались лучше, чем всегда.

– А он стал грандалем?

– Нет, – сказала Унисса. – Не успел. Ему всегда казалось, что еще чуть-чуть не хватает.

Роща начиналась в ложбинке, заросшей ягодником, и взбиралась выше по склону невысокого холма. Они прошли первые деревья. Унисса сорвала несколько листьев с нижних веток, растерла их в ладони, принялась.

– Хороший лес.

– А чем он хорош? – спросила Эльга, потянувшись к понравившемуся, почти прозрачному на солнце листу.

– А вот подумай, – сказала мастер.

Они бродили между деревьями. Здесь росли бук и орешник, кое-где, особняком, стояли дубы, кряжистые, морщинистые, с кронами, не пропускающими лучи солнца к земле. Под ними почти не было травы. А выше по склону качались гибкие стволы лебяжника.

Его узких листьев Эльга нарвала больше всего – к ним даже тянуться не приходилось, пригнул ветку – и собирай. Сак скоро распух, и листья внутри шуршали при каждом шаге. Словно переговаривались и выражали неудовольствие.

Мастер то пропадала за деревьями, то замирала на месте, сосредоточенно нахмурившись. Казалось, до Эльги ей совсем нет дела. Зеленъ слетала с ее ладони, пальцы щупали воздух у веток. Один раз она прошла очень близко от ученицы, и глаза ее были закрыты, но уверенный шаг никак с этим не вязался.

– Иди-ка сюда, – скоро позвала она Эльгу.

Между двух кочек над пышным ягодником прорастал тонкий серый ствол с лапчатыми красноватыми листьями. Унисса с улыбкой застыла около него.

– Знаешь, что это? – спросила она.

Эльга мотнула головой.

– Это редкое дерево, – сказала мастер. – На юге его зовут донжахин, что переводится как друг-приятель. Его листья в букете обещают встречу или весть от близкого человека.

– И сбывается? – спросила Эльга.

– Это уж как составишь букет.

– А можно сорвать?

– Конечно, – сказала Унисса.

Эльга потянулась за листьями.

– Осторожнее. – Мастер поймала ее пальцы. – Если хочешь, чтобы свойства листа сохранялись как можно дольше, отщипывать его нужно на ноготь от соединения черенка с ним самим. Ты должна почувствовать жилку, где можно. Поняла? И больше не срывай листья как попало. Они быстро умрут.

Эльга пристыженно кивнула.

– Давай. – Унисса отпустила руку девочки.

Лист затрепетал перед глазами.

Эльга наклонила ветку к себе, затем под одобрительным взглядом мастера повела пальцы к черенку. Чем ближе она подбиралась к лапчатому красавцу, тем, казалось, теплее становился черенок. Скоро даже можно стало уловить, как его пульс отдает в подушечки пальцев.

– Чувствуешь? – спросила Унисса.

– Да, – сказала Эльга.

Она отщипнула лист, передавив биение.

– Молодец, – похвалила мастер, скрываясь в зарослях. – Теперь собери еще два десятка. А на верхушке оставь.

Ветер шелестел в кронах. Солнечный свет прозрачными желтыми снопами прорывался сквозь ветки и кружевом ложился под ноги. Вилась безобидная мошкара.

Отбирая листья и бережно укладывая их в сак, Эльга задумалась, можно ли составлять букеты для самой себя. Вот сделалось бы ей грустно, а донжахин под рукой. Сложил букет, и – раз! – Тойма приехала. Или мама с папой.

А еще Рыщек.

Но нельзя, наверное. Эльга вздохнула. Мы же не себе служим, мы Краю служим и его крапцевейлеру. Спросишь, а мастер Мару опять дурочкой обзовет.

Эльга погладила лист, и ей показалось, что он отозвался на ее ласку легким покалыванием. Будто предложил подружиться.

– Ученица!

Махнув на прощание дереву ладошкой, Эльга помчалась на зов.

– Да, мастер Мару!

– Быстрее!

– Бегу, мастер Мару!

Сак хлопал по спине легким, шуршащим крылом. Деревья прыскали в стороны. С разбега Эльга чуть не влетела двумя ногами в ручей, но смогла отвернуть и не дала исстегать себя гибким прутьям лозовника.

– Эльга!

– Я здесь, мастер!

Унисса повернула голову на голос. Улыбка вспыхнула на лице.

– Быстро бегаешь. Подойди.

– Ага.

Эльга, хватаясь за ветки, спустилась в низинку.

Мастер стояла у приземистого дерева, почти напрочь лишенного коры. Вверху оно, кажется, даже горело. Но раздвоенный ствол еще жил, на высоте человеческого роста полный тонких побегов с большими листьями.

– Это золотой дуб, – сказала Унисса Мару, нежно оглаживая трещины дерева.

– А почему золотой? – спросила Эльга.

– Солнце выглянет, увидишь. Это дерево славы.

– Можно собирать?

Эльга, привстав на цыпочки, потянула руку к близкому листу.

– Погоди.

И мастер, и Эльга задрали головы к небу, ожидая, когда своенравное, закрывшее солнце облако отползет по своим облачным делам. Вот оно сместилось левее, будто проглотив жаркий солнечный блин, вот, проглоченное, посвечивая, скатилось в пухлый, несколько провисший к земле живот, а вот...

Ах! Солнечный свет ударил вниз, и листья дерева будто взорвались, сделавшись золотисто-прозрачными. Эльга видела каждую жилку и искорки, слетающие с закругленных кончиков. Казалось, весь дуб оделся сияющим ореолом.

Золотой! По-настоящему золотой!

– Мастер Мару!

– Скажи, красота?

– Да, мастер Мару!

Унисса жмурилась, глядя на играющий свет. Ветерок играл ее светлыми волосами.

– Вот сейчас, – сказала она, – листья можно срывать. В них будет немного солнца. Поняла? Рви.

Эльга поймала первый лист.

– Осторожней, не обожгись! – предупредила мастер.

Девочка в испуге разжала пальцы. Унисса фыркнула и ловко обобрала сияющие листья с Эльгиной ветки.

– Не всему нужно верить.

– Мастер Мару!

– Я жду тебя на опушке. – Мастер поднялась по склону холма и остановилась на его верхушке. – Не заблудишься?

Эльга обиженно промолчала.

– Жду полчаса, – объявила мастер.

И пропала.

– Не всему нужно верить! – кривляясь, передразнила ее Эльга.

Она поймала ветку с добрым десятком золотистых, просвеченных солнцем листьев.

– Я возьму побольше, – сказала она дубу, пережимая черенок листа. – Я не из жадности, а просто про запас. Завтра мы идем в Дивий Камень, а там может не случиться такого дерева, как ты. И, видишь, я очень осторожно.

Сак раздулся и стал похож на переевшую гусеницу. Эльга подбила его, представляя, как прочие листья знакомятся с дубовыми и единогласно признают их главными над собою.

Заблудиться в лесу было невозможно, с холмов проглядывали и луг, и само Подонье, похожее издаലെка на умело составленный букет в обрамлении полей и далекого косогора. Светло-желтые соломенные крыши – липа. Коричневые черепичные – бук. Гостиница – чужаца с белой шишечкой соцветия.

Унисса Мару сидела под орешником и лениво водила ладонью над кучкой листьев, которые то принимались кружиться, то вдруг начинали подпрыгивать на черенках, словно маленькие игривые зверушки.

– Уф! – сказала Эльга. – Мастер Мару, я вовремя?

– Дурочка, – сказала Унисса, – если б ты опоздала, меня бы здесь не было.

Она убрала ладонь, и листья рассыпались, словно умерли. Часть даже скукожилась.

– Простите, мастер, – сказала Эльга.

Женщина прищурилась.

– Так почему я сказала, что лес хороший? Есть ответ?

Эльга кивнула. На мгновение она зажмурилась, вызывая ощущение мягкого шелеста ветвей и плывущих по земле солнечных узоров.

– Он очень легкий, свободный. Здесь все растет, не мешая друг другу.

– Хм, – сказала мастер Мару и поднялась, – возможно, ты не совсем дурочка. Пойдем посмотрим, чем нас сегодня накормят. Есть хочешь?

Эльга кивнула.

– Очень.

– Ну да, листьями сыт не будешь.

Тени облаков плыли по лугу, ветер гнал травяные волны, и Эльга маленьким корабликом плыла по ним, следуя по проминаемому мастером пути.

«Все впереди, – шептали листья в саке. – Мы тебе поможем».

В животе урчало.

До Дивьего Камня они добирались целых две недели.

Сначала, покинув ранним утром Подонье, своим ходом дошли до соседнего Крынчика, из Крынчика молчаливый усатый дядька подбросил их на телеге к Терпашину, а из Терпашина, прибившись к торговому обозу, они направились в Большой Юхнин, небольшой, но красивый, стоящий на берегу реки городок.

В деревеньке у Большого Юхнина мастер наняла рыбака, и он, посмеиваясь в седую бороду, перевез их на лодке на противоположный берег.

Потом были лес, торговый тракт, плохонькая гостиница, долгая пыльная дорога через серые, худосочные поля, деревеньки и холмы и, наконец, финал путешествия – Дивий Камень, чьи домики, прячась в кущей зелени садов, забирались вверх по склону гигантского холма с причудливым каменным сооружением на вершине.

Все эти дни у Эльги не было ни минуты роздыха.

Мастер заставляла ее заучивать названия трав и кустарников, свойства листьев и совместимость их в букетах. Одну руку ей все время приходилось держать в саке, чтобы, как говорила Унисса, подопечные чувствовали хозяйку.

Чертец сочетается с халиской и синеглазкой, рябина – с ольхой и яблоней, но липу не стоит мешать с лебяжником...

Зубчатая печать на запястье покусывала кожу, когда Эльга ошибалась или задремывала, слушая плавную речь Униссы. Черенки, будто рыбки, тыкались в пальцы.

На привалах мастер показывала, как определять, какие листья полны сил, а какие скоро окажутся бесполезны, как держать ладонь, как замечать оттенки, говорила, что каждый мастер, мысленно общаясь с листьями, плетет свой букет слов.

Излом капустного листа – белый, а рдяника – красный. Каждый можно сложить вдвое, втрое и вчетверо...

– Запомни, – также говорила мастер Эльге, – у каждого листа есть свое место, и он скажет тебе его, если не забудешь прислушаться.

– А когда я смогу делать букеты? – нетерпеливо спрашивала ученица.

– Когда тебе станет казаться, что все вокруг состоит из листьев.

– Все-все?

– Даже ты сама.

– Наверное, это еще не скоро.

– Листья шепнут тебе.

Но подопечные шептали пока совсем другое, хихикали, жаловались на темноту и недостаток воздуха, некоторые просили ветра, а золотой дуб бурчал, что не привык находиться среди нытиков и глупцов, к тому же без должного обхождения...

В одну из ночей Эльге приснились отец и мать. Они наклонились к ней, отец вздохнул, а мать провела ладонью по волосам и произнесла: «Мастер Эльга, вы не могли бы сложить нам портрет нашей дочери? Нам ее очень не хватает».

Сама Унисса Мару тоже не знала покоя – и в дороге, и в Крынчике, и в Терпашине, и в рыбацкой деревушке близ Большого Юхнина она иступленно разбрасывала листья по рамкам с натянутым холстом, сгибала, подрезала, сбрызгивала водой, и появлялись дорога, выходящая к вырастающим вдали черепичным крышам, лошадь, запряженная в телегу, шумный рынок, смотровая башня или люди, в которых Эльга узнавала попутчиков, старика-лодочника и кафаликса Палампера.

Но все это мастера не удовлетворяло, она злилась, кричала непонятные Эльге слова, и листья взлетали разноцветными мотыльками.

– Я когда-нибудь сойду с ума, – сказала Унисса девочке.

Это было перед самым Дивным Камнем. Разведенный костер потрескивал и стрелял искрами в небо, приправленное закатом.

– Иногда, знаешь, кажется, что ты уже очень-очень рядом, что остается штришок, капля слюны, лист, и получится нечто, что тебе раньше не удавалось. Вот-вот. Вот сейчас. А потом это чувство ускользает. И ты смотришь на букеты и видишь корявые попытки первогодки. То ли глаза не те, то ли пальцы.

– И что тогда? – спросила Эльга.

Унисса усмехнулась.

– Тогда глаза хочется выдавить, а пальцы – отрубить. От грандаля – в черенке. Знаешь, ходит такая поговорка об этом ощущении. Тебе нравятся мои букеты?

Эльга кивнула.

– Мне лошадь понравилась.

Мастер Мару устала в темноту ночи. Языки огня отразились в ее глазах.

– Лошадь... Которая телегу везет?

– Да.

– Дерьмо! – выругалась мастер Мару и куда-то далеко забросила хворостину, приготовленную для костра. – Ты не видела, что она не живая, эта дурацкая лошадь?

– Так она же из листьев, – сказала Эльга.

– А в букете должна чувствоваться жизнь. Жизнь! Понимаешь? Чтобы лошадь была готова соскочить с букета и увезти телегу по настоящей дороге. Но мне, похоже, до этого далеко, – вздохнула Унисса. – Так что молчи и, пока не спишь, спрячь руку в сак и слушай листья. И да, начни уже отращивать ноготь.

Эльга подтянула сак.

– Да, мастер Мару.

В этот вечер ей показалось, что она видит цвета и настроение листьев кончиками пальцев. Какие-то пугливо жались к матерчатым бокам, будто мальки в пруду, а какие-то смело кололи зубчиками ладонь. А еще казалось – часть листьев, шурша, стайкой следует за движениями пальцев, будто приклеенная.

Дивий Камень окружала низкая каменная стена, поверху которой стояли несколько стражников. Чего они охраняли в спокойном Краю, одни боги знали.

Мастера Мару ждал здесь большой заказ.

Извилистой мощеной улицей они поднялись почти на самую вершину холма и за пол-эрина устроились в двух комнатах гостиницы, стоящей напротив дома городского энгавра. При гостинице имелся небольшой дворик с двумя чахлыми яблонями и липой, который Унисса и получила в свое полное распоряжение.

Мастер Мару поднимала Эльгу ранним утром, они завтракали в общем зале, потом около часа Унисса экзаменовала ученицу по живым-мертвым листьям, сочетаниям в букетах и показывала на примерах, что выходит по ее ответам, а что должно выходить на самом деле.

После они расходились по комнатам, и Эльга занималась с холстом.

Задание было простое и невыполнимое. Ужасное. Необходимо было, чтобы листья, брошенные россыпью, сами, узором, удержались на холсте. Но у Эльги они отскакивали, ломались, скользили мимо или – в лучшем случае – ложились на полотно бесполезным ворохом. Так еще мелкая речная серебрянка лежит на лотках. Навалом.

И воняет.

Эльга уж и говорила с листьями, и пыталась ими командовать, даже пела им песенки, но все было бесполезно. Листья не слушались.

Мастера Мару слушались, а ее – нет.

Как тут не заплачешь? Как тут не выйдешь к мастеру с мокрым лицом и расчесанной печатью на тыльной стороне ладони?

А в ответ – ни слова, лишь хмыканье. Что дурочке отвечать? Пусть сама соображает, сначала – за обедом, а потом – во дворике.

От полудня до глубокого вечера мастер Мару принимала жителей Дивьего Камня.

Эльга все это время, почти не отлучаясь, сидела при ней и смотрела, как листья превращаются в букеты, как проступают глаза и улыбки, щеточки мужских усов из чертеца и женские шеи из капусты. Сак Униссы казался неистощимым. Работала она споро и весело. Человек только заговаривал о том, что хотел бы видеть, а руки мастера уже разворачивали на холсте листовую битву, смертью порхал ноготь, и из хаоса и шелеста неожиданно возникал ответ на его желание.

Просили об удаче, о любви, о достатке. Просили о памяти и беспамятстве. Просили о детях. Просили о выздоровлении и мужской силе.

Унисса шурилась на просителя и всегда предупреждала, сколько времени будет действовать ее мастерство. День. Два. Неделю. Несколько часов.

Хотите подольше, сбрызгивайте вином.

Не по-весеннему жаркое солнце, пробиваясь сквозь яблоневую крону, рассыпало перед Эльгой золотые монетки. Букеты сменяли букеты, люди появлялись, кланялись, пропадали. Сминаемые в саке листья, кажется, жаловались на полное непонимание.

Так длилось три дня, а утром четвертого Унисса спросила Эльгу:

– Как твои успехи?

– Я – дурочка, мастер Мару, – вздохнула Эльга.

Унисса рассмеялась.

– Не получается? Значит, скоро получится.

– Они не слушаются! – пожаловалась Эльга. – Летят куда-то сами по себе. Я им шепчу, шепчу...

– Ничего не делается быстро. – Унисса потрепала девочку по макушке и вдруг спросила серьезно: – Как полагаешь, мы готовы?

– К чему? – выдохнула Эльга.

– К большому заказу. Ты же не думаешь, что мы явились в Дивий Камень складывать простые букеты?

– А будет непростой?

– Думаю, не на одну неделю работы. И тебе придется мне помогать.

Эльга вздрогнула.

– Да, мастер Мару. А я справлюсь?

– Х-ха!

В городском доме энгавра происходил невидимый снаружи ремонт приемных покоев и кабинетов, и по коридорам сновали плотники и маляры. Стучали молотки, тонко пели пилы, пахло стружкой и морилкой. С части стен посрывали ткани, и нелепые ошметки золотистых и синих цветов теперь висели тут и там.

Энгавр принимал в спальне.

Эльге он показался замерзшим. Он сидел в кресле, укрытый одеялом по грудь, седой, хмурый, с колючими глазами на бледном лице, с нерасчесанной, комковатой бородой. За ним пенилась пуховыми одеялами неубранная кровать, а сбоку гудел камин, расцветивая решетки и изразцы отблесками огня.

– Я рад, что вы пришли, – чуть склонил голову в приветствии энгавр.

Голос его был слаб, но чист. Унисса и Эльга поклонились по очереди.

– Я – мастер Унисса Мару, а это моя ученица.

Энгавр прикрыл глаза.

– Ваше появление здесь значит, что вы возьметесь за мой заказ?

– Да, господин энгавр.

– Это замечательно.

Энгавр закашлялся, рука его выползла из-под одеяла, и расторопный слуга, вынырнув из-за портьеры, мгновенно вернул ее на место.

– Вы больны? – спросила Унисса.

– Я умираю, но это совершенно не важно, – усмехнувшись, ответил энгавр. – Мы говорим о Дивьем Камне, а его ждет засуха.

– Я слушаю.

– Окрестные поля уже два года как стоят без дождя. Раньше мы спасались поливным каналом, но с зимы обмелел и он. Полтора весенних месяца не принесли облегчения, и дальше, по всем приметам, стоит ждать только худшего. В самом Дивьем Камне начинают сохнуть колодцы, и даже родник на его вершине течет едва-едва.

– Что требуется от меня? – спросила Унисса.

– Дождь, – сказал энгавр.

– Вот как.

– Да, дождь, в любое время, в течение трех лет.

Мастер Мару задумалась. Пальцы нырнули в сак, словно надеясь за ухо вытащить оттуда виновника всех местных несчастий.

– Три года...

– Так возьметесь? – с надеждой спросил энгавр.

– Я уже сказала вам: да. – Унисса протянула энгавру мятую бумагу с двумя оттисками печатей. – Я взяла ваш заказ у кранцвейлера Руге месяц назад. В нем нет подробностей, но мне важно было, что это заказ на мастера моего плана. Как видите, печати кранцвейлера и моя уже стоят. Свою поставите, когда я посчитаю, что сделала все, что могла.

– Канлик! – позвал энгавр.

Плотный, чуть косолапый мужчина с цепью эконома на шее появился на его зов, взял бумагу из рук Униссы и, проверив ее на свет, долго рассматривал печати. Наконец кивнул.

– Все в порядке, господин Миккош.

– Тогда возьмите мастера под опеку города и надела, – распорядился энгавр.

– Я уже заплатила пол-эрина...

– Вам их вернут.

– Дайте запястье, – сказал эконом, выбирая одну из печатей на цепи. – Кому вы заплатили эти пол-эрина?

– Хозяину гостиницы напротив.

Мастер Мару протянула руку. Эконом кивнул, подышал на печать, очистил от невидимых песчинок кожу и отгиснул синеватое изображение камня на холме.

– На время исполнения работ, – сказал он.

– И моей ученице, – сказала мастер Мару.

– Конечно. Подойди, девочка.

Эльга поклонилась и подошла.

– Здравствуйте.

Эконом снова подышал на печать. У него было дряблое, спокойное лицо.

– Руку. На время исполнения работ.

Печать упала, и у Эльги появился второй отпечаток. Камень на холме не выглядел как камень. Он больше напоминал огонек свечи. А ведь наверное, подумала девочка, где-то ходят мастера у которых все до локтей в печатях. Ну, если они много где работают.

– Теперь, – сказал энгавр, – мне бы хотелось услышать, что вам нужно.

Мастер Мару достала из сака узкую желтую травинку и сунула ее в рот.

– Первое. Мне нужно деревянное панно. Большое. С рамками размером в полпальца. И ставнями, чтобы их можно было закрыть на щеколду или на засов.

Энгавр слабо кивнул.

– Канлик, ты слышал?

– Я поручу плотникам, – сказал эконом.

– На какой площади должен идти дождь? – спросила Унисса.

– Где-то пять лиг в ширину, двенадцать в длину. Так мы точно охватим все поля и сады местечек до границы надела.

– Ясно. Таких же пропорций должно быть панно. Скажем, шести шагов на два с половиной. И еще мне нужна карта местности.

За стенкой несколько раз громко ударил молоток.

– О, Сафард-кузнец, брат Кияна! – Энгавр болезненно скривился. – Карта – это уже второе?

– Нет, это все еще первое. Второе: вы должны послать людей, чтобы они собрали мне листьев, цветов, стеблей с разных участков местности. Все это должно быть в мешках с бирками, чтобы невозможно было перепутать, где что собрано. В течение двух дней сделаете?

Энгавр с экономом обменялись взглядами.

– Да, – сказал эkonom, – я организую. Позвольте вопрос?

– Да, господин Канлик.

– Как долго... Сколько времени займет ваша работа?

– Серьезно? Как только я получу панно и листья, я тут же и приступлю. По времени, я думаю, составление букета займет около трех недель. Может быть, прихвачу еще одну. Как раз третье: мне нужно тихое и просторное место, внутренний дворик или открытая терраса.

– На вершине холма есть беседка, – сказал энгавр. – Думаю, она вам подойдет.

– Она большая?

– О да! Кранцвейлер со всем семейством как-то пил в ней чай, любуясь видами.

Мастер Мару отставила стул.

– Хорошо. Значит, листья и панно доставьте туда. Я буду ждать в гостинице. Эльга, прощайся с господами.

– До свиданья, – сказала Эльга.

– Прощай, девочка, – слабо улыбнувшись, сказал энгавр.

И Эльга его действительно больше не видела – он умер на второй неделе исполнения заказа.

Не два, а три дня они просидели в гостинице, и все это время мастер Мару занималась тем, что составляла букеты с изыском, заставляя ученицу соображать, в чем он состоит. Когда появился посыльный, Эльга уже в трех случаях из пяти с первого раза определяла, где и какой лист необходимо заменить. Мастер считала это вполне сносным.

Но с холстом все еще ничего не получалось.

Человек от энгавра, поклонившись, на словах передал им, что панно собрано, а листья и трава в мешках ждут их в беседке.

Унисса не мешкала.

– Твоя задача, – сказала она Эльге, поднимающейся за ней по крутой лестнице на вершину холма, – сортировать, как я тебя учила. Мертвое от живого. Ясно?

– Да, мастер Мару.

– Я не знаю, чего они там собрали. Но здесь важен объем.

Солнце висело высоко, покусывая Эльге шею и плечи.

Утоптанная дорожка шла в обход огромного, черного цвета камня, треснувшего снизу посередине. Из трещины толчками выливалась вода и ныряла в глиняный желоб.

С вершины виделись и канал, извивающийся между квадратиками полей, и ровные черточки садов, и домики, и ниточки дорог, и силуэты далеких гор, и вообще все-все-все. Завороженная Эльга, наверное, могла бы неподвижно простоять и день, и два, душой впитывая красоту, открывающуюся с холма, но Унисса дернула за руку:

– Насмотришься еще.

Сидящий в беседке эkonom встал при их появлении.

– Мастер Мару.

– Как здоровье энгавра? – спросила Унисса.

– Вчера было лучше.

– Я могла бы...

Эkonom качнул головой.

– Он не хочет. Мы обсуждали с ним. Тем более на сколько вы смогли бы продлить его жизнь? На день? На неделю?

– Наверное, на две. Не больше.

– Он сказал: дождь важнее.

Унисса встряхнулась.

– Хорошо. Утром здесь должен быть завтрак. Вечером – ужин.

– Я уже подумал об этом, – сказал эконо.

Он отступил в сторону, открывая низкий столик, заставленный посудой с лепешками, овощами и сыром.

– Вода из ручья. Карта в тубусе. Панно вас устраивает?

Мастер Мару, наклонив голову, медленно подошла к плотно пригнанным деревянным плиткам, скрепленным по периметру тонкими смолистыми планками. Посмотрела, измерила шагами, встала на носки, едва не достав до верхнего края вытянутой рукой.

– Годится. – Она провела по поверхности ладонью. – Хорошо.

– Мы очень на вас надеемся, – сказал эконо.

– Я бы не взялась за то, чего не смогу сделать.

– Панно на подставке, его можно даже катить.

– Забавно. Господин Канлик...

– Да.

– Пожалуйста, на время работы ограничьте проход к вершине холма.

– Это само собой разумеется.

Когда эконо ушел, Унисса посадила Эльгу на скамейку и села рядом.

– Смотри.

Узор плыл по плиткам волнами, изгибами, чередуя светлые и темные полосы. С краю дрожало пятно солнечного света, и Эльге подумалось, что солнце, возможно, просто прилипло к смоле.

– Знаешь, – сказала мастер Мару, – такие заказы дают возможность сильно вырасти в мастерстве.

– Стать грандалем?

– Ну нет, кто тебе даст стать им так быстро! Но приблизиться...

Унисса мечтательно вздохнула.

– А вы уже знаете, что это будет за букет? – спросила Эльга.

– Думаю, да.

– Кто-то такое уже делал?

– Не уверена. Мастер Крисп во время моего ученичества не брался ни за что похожее.

Но я чувствую, что могу.

– И букет будет вызывать дождь?

Унисса улыбнулась.

– На определенной ступеньке мастерства ты поймешь, что нет никакой разницы, улыбку или стихию ты складываешь из листьев. Важно совсем другое.

Эльга затаила дыхание.

– Что важно, мастер Мару?

Унисса посмотрела на ученицу.

– Важно желание расти, желание создавать, желание пробовать новое. Тебе все время должно казаться, что ты учишься, что впереди – настоящие чудеса и ты в силах овладеть ими. Надо нестись за оторванным листком, надо быть оторванным листком, чтобы познать ветер, скорость и небо. Поняла?

– Не совсем, мастер Мару.

– Что ж, – сказала Унисса, – тогда займемся тем, что насобирали нам по приказу энгавра.

Мешков с листьями было, наверное, шесть или семь десятков. Они высились пухлой полотняной горой, напирая на перила беседки с внешней стороны. Горловины стянуты бечевкой, на каждом – деревянная дощечка под узлом.

– Вот. – Мастер подала Эльге пустой мешок. – Живые перекладываешь, мертвые вытряхиваешь. Да не забудь перевесить бирку. Я буду разбирать с другой стороны.

– Да, мастер Мару.

Унисса пропала за горой мешков, а Эльга села на узкую лавочку и принялась за работу.

На первой бирке было вырезано «Кромарь». Что за Кромарь? Наверное, местечко, решила она. Такое же, как Подонье.

Развязав бечевку, Эльга сунула в мешок руку.

Листья, казалось, встревоженно зашелестели. Кто? Что? Берегись! Чужак! Девочка, фыркнув, пошевелила пальцами, нырнула ладонью к самому дну. Какой-то лист щекотно задел знак на запястье.

– Мастер Мару, а если большинство листьев хорошие, можно не перекладывать?

– Дурочка! – пришел ответ с той стороны горы. – Конечно, можно.

Через полчаса спина затекла.

Вроде и не много мертвых листьев, но дергаешь их, дергаешь, а они не кончаются. Вот еще один... Эльга с досадой выцепила узкий, весь в пятнышках побежалости лист бузины. Лети давай отсюда. Она швырнула его в небольшую кучку жухлых, скукоженных мертвецов. Знай свое место!

Солнце ползло по небу, сдвигая тень от беседки.

Стебель, лист, лист. И вот негодник спрятался. И в самом уголке. А вот еще два. Ф-фух! Эльга наконец закончила с первым мешком, повязала бирку и разогнулась.

– У меня уже четыре готовы! – крикнула Унисса.

– Так вы – мастер! – обиженно ответила Эльга.

– И ты учись.

– Как?

– Разговаривай с листьями!

– Да я с ними говорю-говорю, а они – глупые!

Мастер Мару рассмеялась.

– Ну, тогда не говори, а командуй. Я тебе печать на что ставила?

Командуй!

Эльга попихала ногой ближний мешок. Как тут покомандуешь, если не знаешь как? Не скажешь же, стройся, ну-ка, марш наружу!

Над крышей беседки взлетело несколько листьев.

Хорошо мастеру! Только захоти – и все скачет, кружит, раскидывается по одному мановению руки. А ей что?

Эльга притянула к себе мешок, размотала бечевку. Снова из Кромаря.

Мешок был набит от души. Девочка, хмурясь, сунула в него руку. Мертвых листьев было кошмар как много. Конечно, рвут все без разбора, а кому-то потом разбирай.

Эльга закусил губу, еще раз покосилась на Униссу.

Командуй... Она зажмурила глаза, сосредотачиваясь на чуть покалывающем листике-печати. Милый листик, давай мы с тобой...

Нет, не так. Пусть все мертвые листья...

Она вдруг почувствовала, как мешок словно вздохнул.

Пусть все мертвые... Нет, не так. Я же кто? Я – ученица. Почти мастер. Ну, не строго говоря. Но я учусь. И если я почти мастер, то...

Мертвые листья – ко мне!

Что-то клюнуло пальцы, раз, другой. Эльга разжала кулак и в радостном недоумении вытащила налипшие на ладонь листья.

Ура!

Радость была такой, что весь мир засиял яркими красками. Или это солнце выглянуло из-за крыши? Ах, не важно! Потому что дальше само пошло-поехало! Руку в мешок – руку из мешка. И снова, и снова. В мешок. Из мешка. Правда, листья липли только те, что рядом, и ладонью приходилось как веслом водить туда и сюда. Но все равно это было куда как лучше, чем дергать их по одному.

Мертвые – ко мне!

И знай пальцы растопырявай. Пустая ладонь. Полная. Семь листьев, восемь листьев. Или целых десять! Вот бы так рыбу в ручье ловить!

А то ходишь за Рыцекон по колено в воде...

Со вторым мешком в результате Эльга справилась раза в три быстрее, чем с первым. Курганчик коричнево-пятнистых трупиков существенно погрел.

– Я научилась! – крикнула Эльга.

– Молодец! – отозвалась мастер. – Сколько мешков?

– Два!

– Семь!

– Ну, ма-астер Мару-у... – плаксиво протянула Эльга, считающая, что наставница ее специально дразнит.

– Еще один, и завтракаем.

Так и получилось.

Прямо к остывшим лепешкам с медом и сметаной и ягодной водой в кувшинчике подоспел эконо, покивал, обходя худеющую гору, затем осведомился, есть ли у мастера отдельные пожелания.

– Есть, – сказала Унисса. – Мне нужен воск, золотой порошок и зола.

– Как много? – спросил эконо, на которого необходимость в перечисленном не произвела никакого впечатления.

– Немного. Порошка – на ладонь, золы – с кулак. Воска – кружку.

– Я принесу, – кивнул Канлик.

Когда эконо ушел, Унисса подмигнула Эльге:

– Ну что, ученица, как командуете?

Эльга энергично кивнула с набитым ртом.

– Сегодня и завтра я еще буду разбирать мешки вместе с тобой, но послезавтра, что останется, тебе придется разбирать в одиночку.

Эльга проглотила лепешку.

– Да, мастер Мару.

– Ну что, продолжим?

И они продолжили.

Солнце перескочило через беседку, затем, повисев над головой, принялось спускаться. Эльга замечала его, когда утирала пот со лба или сдувала с лица прилипший лист, и удивлялась, что оно находится совсем в другом месте, чем виделось только что.

Скакливое какое.

Еще два мешка она перебрала быстро, а с третьим, продолговатым, откуда-то из-под Куличей, разбиралась долго – рука устала, а пальцы скрючились и не хотели разжиматься.

Ветер играл мертвыми листьями, гоняя их по всему холму.

– Как ты там? – словно почувствовав Эльгину усталость, крикнула Унисса.

– Рука.

– Что – рука?

– Не чувствует.

– Подойди ко мне.

Эльга обошла чуть потерявшую высоту мешочную кучу и увидела мастера Мару, сидящую на куче мертвых листьев. Одной рукой мастер держала раскрытой горловину мешка, а другой легким волнистым движением оглаживала воздух.

Листья из мешка взлетали высоко над ее головой и кружили перепуганной стаей, вбирая в себя все новых членов.

– погоди, – сказала Унисса, продолжая руководить кружением.

Еще несколько листьев и две или три сухие ромашки покинули мешок. Эльга задрала голову, наблюдая, как стая забирает от мастера и беседки к обрыву холма.

– И вот так, – сказала Унисса, уводя ладонь в сторону.

Пырс-с-с. Листья посыпались вниз, часть из них подхватил легкий ветерок, чтобы скинуть на головы жителям Дивьего Камня.

– Ну вот. – Мастер завязала горловину похудевшего мешка. – Теперь давай ладонь.

Эльга протянула руку.

Унисса посмотрела на скрючившиеся пальцы, на покрасневший оттиск печати, несколько раз стукнула по костяшкам.

– Это пройдет? – спросила Эльга.

– Ну а куда денется? Пройдет.

Мастер Мару больно ущипнула девочку за кожу у пальцев.

– Ай!

– И нечего кричать.

– Да, мастер Мару.

– Что ж, – Унисса повертела ладонь девочки в пальцах, – ты просто перетрудила руку.

Подержи ее вон в роднике. И работай пока левой.

– А на левой нет знака.

Мастер Мару косо взглянула на Эльгу.

– Думаешь, она совсем-совсем отдельная от всего?

Эльга надула щеки.

– Что? – усмехнулась Унисса.

– Я – дурочка, мастер Мару? – выпалила Эльга, готовая расплакаться.

– Ну-ка. – Мастер легонько щелкнула ее по носу. – Мне нравится, как ты стараешься.

И быть недостаточно умной в твоём возрасте совсем не страшно. Но, перед тем чтобы что-то спросить, важно чуть-чуть подумать, и, возможно, тебе вовсе не потребуется меня спрашивать.

– Да, ма...

– А вообще, – сказала Унисса, – сложи-ка пока очищенные мешки в беседке. У перил справа от панно. Справишься?

Ученица кивнула.

– А мне их по бир...

– Что?

– Ну, мне ставить их отдельно... – Эльга посмотрела на мастера и густо покраснела. –

Простите, я могла и не задавать этот вопрос.

Мастер неожиданно подмигнула.

– Ты делаешь успехи.

Мешки Эльга перетаскала быстро. Четыре своих, десять мастера. Нет, одиннадцать мастера. Листья, взвиваясь над головой, закрывали солнце.

Мешки были легкие, шелестящие. Она расположила их бирками напоказ. Кромарь. Гарь-поле. Плешкин Луг. Супрыня.

Полюбовалась и побежала к роднику.

Мертвые листья бросались под ноги. Их было немножко жалко. Хруп. Хрум.

Родник бил из треснувшего камня порциями, словно каждый раз набирался сил, чтобы выплюнуть воду наружу. Эльга, присев на корточки, сунула руку с печатью в углубление-ванночку перед желобом. Пальцы тут же занемели, а оттиснутый у запястья листик, казалось, посинел от холода.

Эльга щелкнула зубами. Интересно, сколько держать? Пока вся рука не отвалится? Спросить мастера? Она пошевелила пальцами. Если дурочка, то, конечно, сразу к мастеру... Мастер Мару скажет. Она скажет: дурочка. Сжать, разжать. Оттолкнуться от каменного дна ванночки. Пальцы явно слушались с задержкой. Там, под водой, каждый был как рыбка-сомик.

Ну, наверное, хватит. Эльга выпрямилась, потрясла рукой.

По небу за солнцем торопились облака, словно свита за своим кранцвейлером. А кто выше кранцвейлера? Который над всеми кранцвейлерами? Наверное, и слова такого нет. Или есть? Спросить мастера?

Девочка рассмеялась.

– Как рука? – спросила Унисса, отправляя в воздух мертвые листья из очередного мешка.

– Я буду левой, – сказала Эльга.

– Щиплет?

– Ноет.

– Знаешь, что, – мастер Мару остановила движение кисти, и листья дождем посыпались на землю, – посиди-ка ты в беседке.

Пом-пом – несколько жухлых счастливчиков спланировали на крышу.

– Ну мастер Мару-у!

Унисса вздернула бровь.

– Ты хочешь со мной поспорить?

– Нет, мастер, – вздохнула Эльга.

– Можешь сходить на смотровую площадку. Белая, с аркой, мы проходили.

Со смотровой площадки открывался изумительный вид сверху на дом-резиденцию кранцвейлера, небольшой сад и – через стену – на домики охраны и прочие дома, где с участками зелени, где с пристройками и навесами. Вился акведук. Зеленовато поблескивал заросший пруд. Дальше склон был словно выложен черепичными крышами, рыжими, коричневыми и желтыми, которые ручейками, разделяясь и сходясь, текли к основанию холма.

Эльга грудью налегла на низкую каменную стенку, отделяющую площадку от провала, а всякого любопытного человека – от падения.

Высоко! Дом-резиденция в стороне, а прямо под животом – каменная щель в складках.

Ветердохнул в лицо. Какой-то шальной лист зубчатой кромкой мазнул по щеке, будто предупреждая. Не свались, девочка!

А она и не собиралась.

– Это я, Эльга! – крикнула она вниз.

Ответом было глухое ворчание эха.

Эльга походила по площадке, потом посидела на скамейках, рассматривая растущие в стыках травинки, повертела перед глазами подведшую ее руку.

– Ну так же нельзя, – сказала она ей. – Ты разве не хочешь стать грандалем? Ты знаешь, что грандаль может все-все-все?

Пальцы дрогнули.

– Ага! – сказала Эльга. – То-то же!

Она подула на печать-листик.

– Эльга! – донесся голос мастера Мару.

– Да, мастер Мару!

Эльга бегом припустила к беседке. Листья из очередного мешка брызнули ей в лицо.

– Вот что, – сказала Унисса, когда девочка с легким прыжком предстала перед ней, – отнеси мешок, затем составь со стола посуду.

– Да, мастер Мару!

– И воск помести на солнце.

Эльга ухватила мешок.

– Чтоб подтаял, мастер Мару?

– Так ты дурочка или умненькая? – улыбнулась Унисса.

– Когда как.

Мешок Эльга определила сбоку, потому что бирка у него была с новым названием: Смурая Низина. Для посуды пришлось выделить угол и сложить ее прямо на полу, накрыв отрезом ткани. Воск из высокой глиняной кружки не выковыривался, и Эльга, вздохнув, выставила его на солнце в посуде. Должен же размякнуть!

Унисса, шагнув в беседку, сразу взяла тубус, открутила ему голову и вытряхнула на стол коричневый свиток карты.

– Держи, – сказала она Эльге, кивнув на разлохмаченный край.

Девочка прижала его ладонями.

Мастер Мару размотала карту на всю столешницу. Она оказалась раскрашена в серый, слабо-розовый и желтый цвета и пестрела значками, линиями и словами.

– Читать умеешь? – спросила Унисса.

– Да, – сказала Эльга.

– Что здесь написано? – Женщина ткнула в центр карты, где в неровном круге несколько домиков теснились у высокого бугра с камнем на вершине.

Эльга повернула шею, стараясь разглядеть жмущиеся друг к другу буквы.

– Дэ... Ди... Дивий Кам... ень. Дивий Камень.

– А здесь?

Палец Униссы прыгнул в сторону, придавив нарисованную мельницу, будто она вот-вот собиралась спрыгнуть с карты под стол.

– Сы... Су-пры-ня.

– Молодец.

Мастер Мару склонилась над свитком. Эльга обошла стол, чтобы было виднее.

– Смотри, – сказала Унисса, – Дивий Камень в центре. Значит, и на панно он должен быть где?

– В центре.

– Правильно. А все остальные местечки вокруг.

– А дождь?

Мастер хмыкнула.

– А дождь мы сделаем призывным.

– Это как? – спросила Эльга.

– Вот все тебе расскажи. Еще не знаю, не совсем точно чувствую. – Унисса намотала на палец прядь светлых волос и куснула ее зубами. – Но в целом...

Она оглянулась на перебранные мешки.

– Твоя задача на остаток дня, раз у тебя рука...

– Она почти не болит уже, – сказала Эльга, показывая зеленеющий оттиск.

Мастер Мару вздохнула, и этот вздох показался девочке хуже всяких обидных слов.

– Твоя задача, – повторила она, – взять воск, он, наверное, уже подтаял. Если не совсем, значит, греешь его в ладонях. Воск хороший, текучий. Мы с тобой подвинем стол к панно, и, пока я буду заниматься листьями, ты сверху начнешь вощить дерево. Не старайся подолгу натирать каждую плитку, важно, чтобы воска хватило на все. Размазывай хорошо, бери небольшими порциями. Вот тебе тряпочка.

Унисса протянула Эльге квадратик грубого серого полотна.

Они подставили стол, к столу примкнули лавку. Эльга сбегала за воском, который с нагретой стороны чашки легко давился пальцами.

– Справишься? – спросила Унисса.

– Я попробую, – сказала Эльга, забираясь на стол.

Ажурная резьба, украшающая пространство под крышей, вдруг распустила колечки над самой макушкой.

– Не высоко?

– Нет, мастер Мару.

Панно пахло свежим деревом.

– Сильно не торопись, – сказала Унисса. – Работа тяжелая.

– Хорошо.

Воск темно-желтой кляксой шлепнулся под самую верхнюю планку.

– Тряпкой! – скомандовала мастер Мару, когда Эльга ладонью принялась спешно навливать его стремление потечь вниз.

– Ай! Сейчас.

Оказалось, что вощить панно еще труднее, чем командовать листьями. Правая рука устала уже через пять минут. Эльга поработала левой, потом сразу двумя, а потом опять правой, которая начала ныть и отваливаться.

Совсем ей, видимо, не хотелось в грандали!

Зато навощенные плитки приобретали мягкое, теплое сияние, и структура дерева проступала выпукло и ярко.

Отступив, Эльга оценила сделанное и пришла к выводу, что в скорости, наверное, уступает даже улитке, объедающей капустный лист. Уж больно мал оказался пройденный участок. А еще воск в чашке затвердел и никак не хотел поддаваться под пальцами.

Да и пальцы еще...

Эльга едва не заплакала, сползла со стола, скрючилась на лавке, сжимая восковую колбаску в кулаке. Давай же!

Она так пристально смотрела на руку, что не заметила подошедшую Униссу.

– Ну что? – Мастер Мару окинула взглядом панно. – Устала?

Эльга не ответила.

– Ясно, – сказала Унисса. – Положи уже воск.

Девочка шмыгнула носом.

Женщина сняла с крюка лампу со свечой, подожгла фитилек от с готовностью вспыхнувшего листа и повесила ее над столом.

В беседке сделалось оранжево и уютно, и сразу стало заметно, что снаружи уже темно, зыбко, сиренево, солнце ушло.

– Не расклеивайся. – Унисса под села к ученице и приобняла ее. – Знаешь, сколько впереди еще будет неудач?

– Много? – спросила Эльга.

Мастер улыбнулась.

– Понимаешь, каждая неудача, если у тебя правильный настрой, приближает тебя к задуманному. Потому что неудача говорит тебе: что-то ты делаешь не так. Не вовремя. Без должной подготовки. Соображай! – говорит она. Задумайся надо мной. Я же не какая-то там... Еще чуть-чуть, и все получится. Знаешь, как я зову свои неудачи?

– Как?

– Первыми помощницами.

– А что, есть и вторые помощницы?

С раскрытой ладони девочки Унисса взяла за сплюснутый хвостик восковую колбаску и положила ее в кружку на столе.

– Вторая помощница одна. Она называется терпение. Но ее страшно трудно воспитать, скажу я тебе. Так, давай напоследок немного поработаем и пойдем спать?

– Да, мастер Мару.

Они перетащили внутрь беседки еще восемь мешков, распределив их по названиям местечек. Служка принес поздний ужин, но мастер услала его в гостиницу. Затем они сидели на лавке, вокруг свечи за стеклом вились мошки, а по перилам и по столбам ползла вверх полоса заката, густо-красная, как варенье из слив.

– Хороший день, – сказала Унисса.

– Я устала, мастер Мару, – сказала Эльга.

Глаза у нее слипались. Ноги гудели. Все вокруг казалось мягким, мохнатым, темнеющим. В голове безостановочно шептались листья.

– Не спи. – Унисса легко потрепала девочку за плечо. – Вот спустимся в гостиницу, поужинаем...

– Я совсем не хочу есть, – сказала Эльга, погружаясь в сладкую дрему.

– Эй, я тебя на руках не понесу! Ну-ка! – Мастер Мару потянула ее вверх. – Здесь холодно и ветер, к твоему сведению.

– Да, мастер Мару.

– Так, держи фонарь, – сказала Унисса.

Перед лицом девочки заплясал свечной огонек, в протянутые пальцы толкнулось витое железное кольцо.

– Держишь?

Эльга кивнула.

– Ну и не стой.

Легкий толчок в спину – и, словно сама собой, проплыла мимо Эльги похудевшая гора мешков. Небо качнулось, рассыпав звезды. Под свет фонаря принялись выпрыгивать навстречу кусты и камни, а дорожка будто конь-недотрога рванула из-под ног.

– Куда?

Унисса поймала ученицу за плечо.

– Вы видели, как она? – пробормотала Эльга, опуская фонарь. – И захочешь – не поймашь. Раз – и в сторону.

– Кто?

– Тропка.

– Ясно.

Эльга почувствовала, как какая-то мягкая сила отнимает у нее фонарь, а затем подкидывает наверх, к самому небу.

– За такое вообще-то порют, – сказала небо голосом мастера. – А я ее на руках... Нет, Унисса Кехла Мару, что-то ты подобрела...

– Да, мастер Мару, – хотела сказать Эльга, обняв женщину за шею.

Но сказала ли?

Сон запорошил глаза листьями, отнял ноги и руки, окунул в ручей с темнотой. Спи, Эльга Галкава. Картинкой мелькнул гостиничный двор, в скрипе двери на мгновение осветилась комната, улыбнулась, отдаваясь, Унисса, а потом две фигурки, похожие на отца и мать, замахали своей дочке руками.

– Я стану грандалем и вернусь! – прокричала им Эльга сквозь нарастающий лиственный шелест. – Я вас не забыла!

Ш-ш-ш...

Листья совсем не умели петь колыбельную. Хотя и старались. Басовито шуршал дуб, под него подстраивались липа и яблоня, поскрипывала чужица, тонко звенела еловая хвоя и грустно вздыхали покинувшие мешки мертвецы.

Ш-ш-ш...

– Да прекратите уже! – сказала Эльга и открыла глаза.

Серый с розовыми нотками свет раннего утра плыл по комнате. У окна стояли таз для умывания и кувшин. Платье лежало на короткой лавке. На стуле у изголовья, накрытый тряпкой, ждал вчерашний ужин.

Шорох наверху заставил Эльгу запрокинуть голову.

Несколько мгновений она всматривалась в темные потолочные балки, пока не поняла, что там, похоже, полно листьев. То ли налипли, то ли...

– Мастер Мару, – прошептала Эльга.

Она посмотрела на стену и обнаружила, что и она составлена из кленовых и березовых помертвевших листьев.

Медный таз – из осиновых. Кувшин – из куманики. Оконная рама – из пуха и стебельков травы. Подоконник – из лебяжника. И все это было сплетено и подогнано так, что и стыков видно не было.

Ой, подумала Эльга и потянула одеяло, чтобы накрыться им с головой. Но и одеяло было листовым, ворсистым, зелено-фиалковым.

– Мастер Мару!

Эльга вскочила, не зная, куда бежать и что делать.

Пол под ногами превратился в букет из листьев и шуршал и потрескивал под ступнями. Рубашка – ромашковая, платок – бруснично-горечавочный, лавка – ольховая.

Эльга посмотрела на свои руки, и они оказались – рябиновые.

– Мамочки!

В зеркале на нее уставилось кошмарное создание из пшеничных колосков, крыжовенных ягод и розовых лепестков.

– Мастер Мару!

Эльга с криком вывалилась в коридор, наполненный темным липовым шепотом, и забарабанила в соседнюю дверь.

– Что тебе, ради всех листьев в мире?

Растрепанная и сонная мастер Мару тоже была из лепестков и листьев. Ива, мак, чистотел, чарник, одуванчик. Глаза – люпиновый цвет.

– Что со мной? – спросила Эльга и уткнулась мастеру в живот.

В ночную рубашку из выбеленного льна.

– А что с тобой?

Унисса увлекла ее в комнату и усадила на кровать. Повертела так и смяла Эльгину голову.

– Ну? Вроде все с тобой в порядке.

– Я вижу листья! – выдохнула Эльга страшным шепотом.

– И что?

– Везде листья! Все из листьев! И вы, мастер Мару.

– Так это же хорошо, – сказала Унисса, зевнув, и потрепала Эльгу по макушке. – Ученица, ты растешь! Я же тебе рассказывала. Теперь ты сможешь самостоятельно набивать букеты... Впрочем, пока выйди и не мешай мне спать. Мне нужно хотя бы еще два часа... Я-то думала, что-то серьезное, пожар или зима среди лета.

– А это разве не серьезное?

– Это обычное.

– Но я вижу...

Мастер Мару кивнула, поднимая Эльгу с кровати и подталкивая к двери.

– И я вижу. Иди сейчас к себе и учись видеть по-разному, поняла?

– Да, мастер Мару.

– Вот и молодец.

Унисса подождала, пока девочка выйдет за порог.

– А если... – обернулась Эльга, но мастер уже захлопнула дверь.

– О листья! Никакого покоя! – донеслось из-за нее.

Эльга понурилась.

В своей комнате она легла и долго смотрела в никуда, в перекрест проступающих балок, в темноту, в собственные мысли. Она закрыла один глаз, но лиственное плетение осталось. Тогда она закрыла другой глаз, и тоже без результата. Она зажмурилась и разожмурилась, потом посмотрела сквозь пальцы и даже приложила к носу кулачок со сложенным кукишем, как ее учил Рышек, шепча: «Морок, пропади!»

Все было напрасно.

– Я, конечно, могу спросить мастера Мару, – тихо сказала Эльга шуршащей на разные лады – клен, береза, липа – комнате, – но кто я тогда буду? Я буду глупая ученица, которая ничего не умеет самостоятельно.

Она вздохнула, повернулась на один бок и на другой. Одеяло кололо, тонкий тюфяк насмешливо похрустывал при каждом движении.

Эльга села.

– А я вот возьму вам и прикажу! Чтобы из листьев – обратно. – Она подняла руку с отметкой, показывая ее стенам и потолку. – Видите? Это означает, что вы должны меня слушаться. У меня – знак, знак мастера. Поэтому – я приказываю!

Солнце алым пятном вымарало стену, прокатилось от листочка к листочку. Пырш-ш-ш. И застыло. Приказ не сработал.

Сверкнуло зеркало. Будто бы серебро, а на деле – облепиха и овсяница.

– Значит, по-хорошему не хотите? – дрожащим голосом спросила Эльга.

В животе у нее коротко уркнуло.

– Я вот сейчас поем, наберусь сил...

Девочка покосилась на тарелку с ужином.

– И тогда...

Она повернулась.

Тарелка и мясо с овощами на ней тоже были букетом. Просто на мгновение показалось, что они-то как раз нормальные.

Или не показалось?

Эльга отвернула голову и снова посмотрела на тарелку самым краешком глаза. Никакими листьями и не пахло!

Мясо было мясом, а не хрустким сухим листом, куски моркови – морковью, а потеки бурого – застывшей подливой.

Эльга, затаив дыхание, выкрутила шею и повела косой взгляд по комнате.

Прошлой осенью в Подонье приезжали артисты. Быстро сколотили дощатый помост напротив гостиницы, натаскали лавок из трактира и из домов и повесили на двух жердях полотнище, украшенное вырезанными из ткани звездами и серебристым полумесяцем. Фонари, дудки, цветные флажки.

Вечер.

«Уважаемые жители Подонья! – кричал широкоплечий усач, надувая сизые щеки. – Только один день на нашей сцене перед вами развернется душещипательная история о мастере Фацисе и его Коломбине!»

Занавес вспучивался, а потом специальный человек тянул за веревку, и ткань отъезжала в сторону, открывая Эльге, которую взяла с собой мать, удивительный мир с высокой башней из реек и прибитыми к заднику облаками.

Здесь было то же самое.

Лиственные стены, окно, потолок, полки под взглядом Эльги с шорохом сдвинулись, будто повешенное полотно, и, собираясь в складки, поплыли к двери. Ж-ж-жик, жик.

«Уважаемая Эльга, сейчас вы увидите...»

Нет, ей не открылись ни башня, ни облака, ни несчастный мастер Фацис в пышных одеждах и с выбеленным лицом, но лавка у подоконника стала обычной лавкой, одеяло – одеялом, а руки – обычными руками, а не согнутыми, подрезанными и сложенными один к другому рябиновыми листьями.

– Ёрпыль-гон!

Эльга рухнула на кровать.

Она закрыла глаза, потом открыла. Никаких листьев! Потолок из балок и досок.

– Ёрпыль-гон! Ёрпыль-гон!

Эльга подпрыгнула, расхохоталась и схватила тарелку.

Даже холодное, мясо было восхитительным, а подлива – пальчики оближешь. Не особо любимая морковка не отставала.

М-м-м. Эльга мычала от вкусности и орудовала ложкой.

– Воф, – сказала девочка стене и окну, набив рот, – я фам не фуфочка. Я фама нафла. Нафо было профто глафами... И ффе!

Последнее слово дополнил вылетевший в порыве чувств морковный кубик.

Потом Эльга долго экспериментировала. Вернуть «лиственное» зрение оказалось делом несложным. Стоило повести косой взгляд в другую сторону – и шелест полотна тянулся за ним, снова превращая комнату в букет. Или часть комнаты. Или вообще один предмет. Эльга хихикала, получая причудливые смеси. Вот правая рука – листовая, а левая – обычная. Просто ёрпыль-гон! Вот кувшин до горлышка – из куманики, а выше – обожженная глина. Вот окно с видом на задний двор из липы и березы, и по нему важно расхаживает сплетенная из ивовых прутков курица, пугая лохматого пса на цепи.

В результате Унисса обнаружила ученицу внизу, в зале, где Эльга, сидя в укромном уголке, разглядывала завтракающих постояльцев. Каждый, оказывается, состоял из своего набора листьев!

– Смотри, ученица, окосеешь, – улыбнулась мастер Мару, поправляя куртку.

– А вы знаете, что вы состоите из чистотела и одуванчиков? – спросила Эльга, чуть повернув голову и округляя глаз.

– А ты из репейника, – сказала мастер.

– Неправда, я – рябиновая!

– Слово «галкава» в старину означало «птичье дерево», так что, может, и рябиновая. Но на самом деле, чтобы увидеть суть человека, одного взгляда искоса мало.

Унисса села с Эльгой рядышком.

– То есть вы не из одуванчиков?

– Из них, из них, – кивнула мастер Мару. – Но это все равно, что судить о сути, о душе человека по одежде. Сможешь ты сказать по ночной рубашке или грязным сапогам о том, на что надеется и о чем мечтает человек?

Эльга опустила подбородок на стол.

– И как же тогда? – грустно спросила она.

– А вот будешь набивать букеты, поймешь, – сказала Унисса. – И каждый плохой букет будет приближать тебя к некой границе, за которой тебе и откроется суть вещей.

– А людей?

– И людей тоже. Неудачи и терпение, помнишь? Так, – мастер Мару напустила на себя грозный вид, – и чего мы сидим? Ну-ка, марш собираться!

– Да, мастер Мару.

– Рука не болит?

– Чуть-чуть.

Эльге хватило двух минут, чтобы подняться наверх, заправить свою кровать, повязать платок и подхватить сак. Листья внутри, кажется, о хозяйке шептали уже одобрительно. Некоторые даже пытались льстить. Ах, ах, какая способная девочка нам попалась, друзья! Попомните, мы с ней еще прогремим в букетах!

Смешно. Сладко.

– Готова? – спросила ее Унисса, встав на пороге.

– Да, мастер Мару.

Они вышли из гостиницы и вновь принялись подниматься по тропке к вершине холма. На небе не было ни облачка. Склон розовел под солнцем.

– Вот что, – сказала мастер, оглянувшись на ученицу, – с сегодняшнего вечера начнешь складывать букеты. Я договорилась со столяром, он наделает тебе реек, холстины я уже купила.

– А что мне набирать? – спросила Эльга.

– Все, что хочешь. Но за людей пока не берись. Стулья, вид из окна, лес, дорога, какие-нибудь безделушки. Ты уже видишь «лиственную» оболочку, поэтому старайся, чтобы листья и в букете были теми же. Чего нет, можешь отобрать из мешков. Но главное: командуй листьями, тогда они сами будут ложиться на холст узором, и тебе останется лишь чуть-чуть их поправить.

Эльга подумала.

– Для этого мне нужно четко представлять то, что я хочу сложить.

– Видишь, – улыбнулась Унисса, – и глупый вопрос отпал сам собой.

Они миновали смотровую площадку и остановились у Дивьего Камня. Мастер Мару, склонившись, долго пила холодную воду. В беседке их уже ждал завтрак: лепешки, яблоки, две миски ячменной каши и горячий чайник. Эконом, присев на корточки, изучал бирки.

– Дома на склонах засыпало листьями, – сказал он, поднимаясь. – Я смотрю, вы перебираете мешки.

– Разумеется.

Унисса села. Эльга последовала ее примеру. Господин эконом остановился напротив панно.

– Даже не могу представить себе, что вы задумали, – проговорил он, рассматривая верхние плитки, уже натертые воском.

– Что-то случилось, господин Канлик? – спросила мастер листьев, повозив ложкой в своей миске.

– Господин энгавр впал в беспамятство. Очнувшись, все время зовет мать, которая уже лет семь как умерла.

Эльга украдкой посмотрела на него «лиственным» взглядом. Господин эконом состоял из дуба и орешника, разбавленных смородиновыми листьями.

– Но беспокоит вас не это, – сказала Унисса.

– Не это, – кивнул эконом. – Вы не слышали? Дидеканг Руе призывает в столицу мастеров боя. Говорят о войне с Тангарией.

– Это на западе?

– Да. От нас далеко, но письма с особыми посыльными мы уже получили. Это, знаете, настораживает. Кранцвейлеру, похоже, нужны все боевые мастера.

– И даже ученики? – спросила Эльга, вспомнив Рыщека.

– Все.

– Худо, – сказала мастер Мару, – и десяти мирных лет не прошло.

– В том-то и дело, – вздохнул Канлик. – Вроде бы разбили мастеров Тангари наголову, а их словно больше стало. Но хуже, что, по слухам, ведет их мастер, пришедший из Серых Земель.

Унисса вздрогнула.

– Враки.

– Слухи. Я буду рад, если они останутся слухами.

Эконом ушел, а мастер Мару еще долго смотрела в пустоту между двумя беседочными столбами, совсем позабыв о каше.

– Учитель Крисп как-то рассказывал мне о Серых Землях, – поделилась она с уплетающей завтрак Эльгой, – он говорил, что друг его был там...

Унисса замолчала, и девочка, облизав губы, осторожно спросила:

– И что?

– По его словам, Серые Земли – одно большое пепелище. Ни одного деревца, ни одного листа, сажа в воздухе. Кости, развалины. И черные тропы. Говорят, мастер Огня, почти грандаль, сошел там с ума.

Эльга поежилась.

– Страшно. А если бы он был грандаль?

– Не знаю. Но букет о Серых Землях, набитый мастером Криспом, снился мне долго. Нам, впрочем, сейчас не до этого. Мы здесь ничем Краю помочь не можем. Так что убирай со стола и займись панно. Налей миску кипятка и положи туда чашку с воском. А я займусь мешками. Так выйдет быстрее.

– Да, мастер Мару.

Эльга натирала плитки панно до полного изнеможения. Меняла руки, приставляла и злилась на себя, но не отступалась. Листья в саке, засунутом под лавку, подбадривали. Солнце просовывало в беседку длинные горячие пальцы, шевелило ими, хватало за плечи. Снаружи шелестело и шуршало, и голова Униссы мелькала над мешками.

Маленькими шажками Эльга продвигалась по столу вправо. Чтобы совсем не думать об усталости, она принялась делиться с листьями узанным.

– Местечки и кобелы образуют наделы, наделы соединяются в вейлары, а вейлары уже составляют Край.

Вдох-выдох.

– Местечками управляют старосты или общие собрания, наделами и городами – энгавры, вейларами – титоры, а всем Краем – кранцвейлер Руге.

Эльга добралась до края стола и удивилась.

– Вы думаете, – сказала она листьям, – что это не имеет отношения к мастерам? Тогда вы не очень умные. И лучше не спрашивайте почему. Подумайте.

Она прыгнула на пол, передвинула стол и зачерпнула тряпочкой воск из чашки.

– Ну, подумали? – Эльга вновь залезла по лавке на столешницу и присела на корточки. – А очень просто. Мастера первым делом идут к энгаврам и титорам, и, если для них есть работа, им ставят печать, принимая на себя все расходы мастера. Конечно, мастер может ходить и по домам, самостоятельно, но тогда и платит за все сам. У меня вот есть печать...

Она повертела кистью с синеватым отпечатком Дивьего Камня.

– Это значит, что нас вместе с мастером пригласил здешний энгавр и мы делаем важное дело. Мы будем призывать дождь.

Листья притихли.

– Я, правда, еще не знаю, как это делается, но мастер Мару точно знает.

Тряпочка заскользила по плиткам. Дерево под ней светлело и наполнялось внутренним блеском. Эльга, переступая, медленно двинулась к ограничивающим панно рейкам. Шажок вперед. Еще шажок.

Скоро уже даже непонятно было, есть у нее рука или нет, ниже локтя она перестала чувствоваться, культия культией, но исправно кружила, сжимая тряпку в пальцах.

Наверное, это и правильно.

– С севера Край упирается в горы, которые называются Храбрыми, потому что они высокие и снежные, и перейти их может только очень отважный человек. Оттуда приходят с мехами и льдистым железом. На востоке Край граничит с Телегумскими лесами, но почему они так называются, я не знаю. Наверное, там живут телегуны. Возможно, страшные дикари. Но я бы хотела там побывать. Мастер Мару тоже мечтает. Это же лес, там ваши собраты...

Ф-фух! Эльга наконец добралась до края панно.

Какое же оно все-таки огромное! Как подумаешь, сколько на него уйдет листьев, просто не по себе делается. Их же надо плотно-плотно, зубчик к зубчику, прожилка к прожилке. Может, собранных мешков еще и мало будет.

Ну, здрасте!

Эльга посмотрела на выскользнувшую из пальцев тряпку. Это понятно, все устали, она тоже устала, но зачем же бежать, как последняя трусиха...

Эльга свесилась головой вниз.

– Тебе никогда не стать тряпкой-грандалем. Да-да, такие тоже есть.

Она потянулась рукой к беглянке и вдруг почувствовала, что сейчас сползет вниз и, скорее всего, треснется головой об пол. Перила далеко, вторая рука – не помощница.

– Ай!

– Эльга!

В последний момент мастер подхватила ее, предотвращая падение. Звонко стукнула в дерево босая Эльгина пятка.

– Что это ты тут вытворяешь?

– Тряпка убежала, – сказала Эльга, выпрямляясь.

– Сядь, отдохни. Второй раз я тебя не понесу, – сказала Унисса.

– Я все сверху сделала. Осталось только внизу.

– Ну-ка.

Мастер Мару усадила ученицу на лавку и подступила к панно. Подняв тряпку, она с усилием затерла, видимо, пропущенный девочкой участок.

– В целом недурно. Но воск быстро твердеет.

– И что дальше?

– Дальше... – Унисса посмотрела на Эльгу. – Осталось десять мешков, и тебе придется завтра все их перебрать.

– А панно?

– Вошить нижнюю половину буду я, хотя это, конечно, и не лучший выход. Не хотелось бы забивать пальцы. Но такая уж мне попала ученица.

– Я могу, мастер Мару! – вскинулась Эльга.

– Нет, не можешь.

– Но мастер Мару!

– Цыц! – прикрикнула Унисса. – Кто знает, что лучше – я или ты? Дурочка! Твое дело на сегодня – набить букет. И будь добра!

– Да, мастер Мару, – вздохнула Эльга.

– Не слышу!

– Да, мастер Мару!

– Набить можешь что хочешь. Кувшин, миски, лепешки, – широким жестом показала Унисса. – Те же мешки, перила. Или Дивий Камень. Да, попробуй-ка его.

– Сам Камень?

– Ну да.

Перегнувшись через угол стола, мастер Мару достала из вороха тряпок, лежащих на полу, кусок полотна и несколько реек, качнула головой и выудила тонкую дощечку размером с четыре Эльгины ладони.

– Думаю, подойдет. Твой рабочий инструмент отныне. – Она вручила дощечку ученице. – Бери сак и лети к Камню.

– Да, мастер Мару.

– Какие листья нужны для букета?

– Черная ольха, тополь, чарник и цветы календулы.

– Почему это?

– Потому что солнце.

– Что ж, раз ты так видишь...

Эльга, забыв об усталости, выскочила из беседки, но тут же вернулась.

– Мастер Мару, а как, чтобы листья... ну, держались букетом?

Унисса улыбнулась.

– Ты же вроде научилась ими командовать? Так командуй. Легли! Прижались!

– Да, мастер Мару!

Солнце делало черный Дивий Камень серым, а в разломе – желтоватым.

Подобрав ноги, Эльга примостилась на удачно попавшийся камешек напротив. Потом встала и умыла родниковой водой лицо.

Стало полегче.

Она снова села, подтянула сак, запустила в горловину руку. Дивий Камень насмешливо высился и улыбался трещиной: ну, попробуй, девочка, нарисуй мой портрет.

Эльга очистила дощечку от ниточек и песчинок, покусала губу, примериваясь. Ладонь в сак кружила между листьев, выбирая, кому первому начинать букет.

Ш-ш-шурх, шурх.

Листья толкались и спорили между собой. Вы куда, куда без очереди? Вас здесь не шуршало! Вы вообще – дуб и липа!

Эльга фыркнула, разбирая в шелесте повышенные тона.

Ага, чарник! Она сжала кулак. С него, узкого, красного, и начнется букет. Лист честный и магический.

Вперед!

Чарник заскользил по дощечке, задержался и...

– Стоять! – чуть не вслух крикнула Эльга.

Но лист уже нырнул в складки платья.

Девочка достала его и погрозила пальцем. Что это такое? Что за игра? Мы же вместе! А если я обижусь?

Она приподняла деревяшку и прижала к ней лист ладонью. Вот, держись. Посмей толь...

Чарник ветром сдуло в сторону и едва не унесло с холма, стоило на чуть-чуть отнять руку. Хорошо, он застрял в траве.

Тут уж Эльга разозлилась.

Совсем не хотите по дружбе? Какие же вы ветреные друзья! Сейчас вот как скомандую! Она набрала воздуха в легкие:

– Ко мне!

Ух! Громко!

Лист чарника неожиданно дернулся вверх, будто привязанный за веревочку. Он взлетел и красным пером опустился прямо Эльге в руку.

– То-то же!

Сложив лист лодочкой, она определила его в низ дощечки, основанием будущего букета Дивьего Камня. Но он, помедлив, снова скатился на колено.

– Стой!

Окрик не сработал. Эльга вздохнула и оглянулась на беседку – Униссы не было видно. Спросить? Наверное, что-то она делает неправильно. Но так не хочется опять самой догадываться. Это даже труднее, чем вошить круглый день!

Она посмотрела на Камень. Повернула голову. Скосила глаз.

– Доволен, да?

И замерла.

Ой, дурочка! Надо же «лиственным» зрением смотреть! И набивать букет тоже! Вот ёрпыль-гон так ёрпыль-гон!

Дивий Камень, превратившись в свое мохнатое лиственное подобие, согласно прошеле-стел.

Эльга развернула лист чарника и аккуратно поместила его на дощечку. Ну же! – взмолилась она. И – чудо! – лист будто прилип. Конечно, сразу стало видно, что у него много лишнего. Там подрезать, здесь подрезать. Но для этого же есть ноготь!

Провести им справа, провести слева, закругляя, заворачивая к вершинке. Еще чуток ненужных зубчиков долой и по жилке отрезать снизу. Готово! Эльга самокритично заметила, что вышло не слишком аккуратно, зато чарник, показалось, врос в дерево намертво.

Теперь – ольха.

Высунув от усердия язык, Эльга принялась кропотливо составлять листья, прилаживать их один к одному, подсовывая, подбивая в древесные трещинки. Окантовкой добавила тополя. В центр, в раздвоенность Камня, пошла календула.

Пальцы мяли и складывали, соединяли, делили, подворачивали и скручивали. Кое-где ольху даже пришлось смочить языком. Невкусно. Пресно. Ну-ка, тесно, ну-ка, дружно. Или вам специально донжахина в компанию подать?

Солнце прыгнуло через голову и покатилося с холма.

Дивий Камень на дощечке тянулся вверх, прорастая в окружающий сумрак и расплываясь в нем. Эльга щурила глаза, но они закрывались и склеивались. Хоть веточки вставляй. Как бы себе букет набить, чтобы долго не спать.

– Эльга!

– Да, мастер Мару.

Девочка вскочила на голос, кажется, еще во сне.

– Ты спишь?

– Нет, мастер Мару.

– Уверена?

Пригоршня ледяной родниковой воды, пролившаяся на затылок и шею, заставила Эльгу завопить.

– Ай, мастер Мару! Я уже не сплю!

Темнота посыпалась, будто листья в осеннюю бурю, разлетелась, унеслась, оставив бедную Эльгу напротив мастера, стоящего с фонарем в руке.

– Вот теперь верю, что не спишь. Пошли.

Унисса взяла ученицу за руку.

– Ой, а я же сделала! – спохватилась Эльга и подобрала мохнатую от листьев дощечку.

– Уже? – Мастер Мару недоверчиво выгнула бровь из мягкого пшеничного колоса. – Интересно посмотреть.

Труд ученицы она изучала долго.

Эльга успела измучиться, продрогнуть, проскакать на одной ноге вокруг скамейки, упасть, испачкать ладони, дойти до Камня, смыть грязь, зачерпывая воду из желоба, и задремать, глядя на огонек свечи за фонарным стеклом.

Ждать было страшно на самом деле. Но мечталось, что мастер Мару сейчас скажет, что, конечно, ей еще нужно долго учиться и совершенствоваться, чтобы стать грандалем, но успехи в составлении букетов...

– Что ж, – сказала Унисса, – могло быть и хуже.

...успехи...

Эльгу словно хлестнули веткой по лицу.

– Мастер Мару, вы нарочно?

– Что я нарочно?

– Я же старалась! – крикнула ученица.

– И что? – насмешливо спросила Унисса. – Это отменяет то, что у тебя получился плохой букет?

– Он же первый!

Женщина повернула девочку к себе.

– Первый букет всегда из черенков. Знаешь такую поговорку?

Эльга обиженно фыркнула.

– На самом деле, – сказала Унисса, – мой первый букет был еще хуже. Знаешь, что сделал мастер Крисп? Он сжег его. Сказал, что такой кошмар можно исправить только огнем. Я так плакала. Я думала, что из меня ничего и никогда не получится. А мастер на три дня запер меня в холодной лиственной, у него был специальный такой подвальчик, и заставил слушать листья. И давал только воду.

– Но зачем? – спросила Эльга.

Унисса усмехнулась.

– Я думаю, ты мне сейчас сама ответишь на этот вопрос. Пошли ужинать. А это... – Она посмотрела на букет. – Сама решишь, что с этим делать.

Эльга прижала дощечку к себе.

– Ну и пусть, что плохо!

– Как знаешь.

Унисса подняла фонарь, и они по тропке стали спускаться с холма к гостинице. Эльга, наверное, уже могла бы проделать весь путь с закрытыми глазами.

Большинство домов были темны, во дворце энгавра мерцали свечи и кто-то тихо играл на балумбене. Фонарщик на лестнице подливал масла в лампы, освещающие широкие ворота и крытую темную повозку.

За оградой гостиницы трещали цикады.

– Ой, я поняла, – сказала Эльга, ероша пальцем листья на дощечке. – Плохо, когда кажется, что ты почти грандаль.

Унисса рассмеялась.

– И это тоже. Просто любому человеку, не важно, как далеко он продвинулся в своем мастерстве, необходимо постоянно расти, а это значит, всегда и всюду он должен говорить себе: я могу лучше, я должен приложить еще некоторое усилие. И еще. И еще. Учитель же просто обязан внушать то же самое ученику.

Эльга вздохнула.

– Это значит, мои букеты для вас всегда будут плохими?

Унисса открыла дверь.

– Нет, – сказала она. – Какая глупость! Нет. Но ты всегда сможешь сделать лучше.

– А вы?

– И я. Пока живу. Конечно, у меня было несколько удачных букетов. Но сейчас я сомневаюсь, что они были достаточно хороши.

– А я бы не сомневалась, – сказала Эльга.

– Потому ты и не мастер.

Потом они ели ячменную похлебку, и мастер Мару макала в нее хлеб, а Эльга хлебала жижу, вылавливая ложкой длинные мясные волокна и украдкой косилась на перевернутую листьями вниз дощечку.

Очаг стрелял искрами. Отблески огня ложились на столы и стены. Сонный хозяин гостиницы ждал, когда припозднившиеся с ужином жильцы отправятся в свои комнаты. Он был весь из растрепанных маковых лепестков.

Утром Эльга не знала, куда провалиться от стыда.

Букет был ужасен. Дивий Камень при утреннем свете был не Дивий Камень, а какое-то грязное пятно, похожее на смятый осиный домик. Календула в его центре была как раздавленный желток. Листья топорщились и смыкались вразнобой, одних тянуло налево, других направо. Кривились, ерошились зубчики.

Но главное – главное! – нельзя было даже подумать, что это именно Дивий Камень. Никакого сходства. Ни-ка-ко-го.

А что же она набивала тогда?

Эльга сначала хотела тоже, как мастер Крисп из рассказа Униссы, сжечь чудовище, но потом решила оставить напоминанием до той поры, пока из ее рук не выйдет нормальный букет.

Ей даже понравилось такое взрослое решение.

Она поставила дощечку на подоконник, но взгляд постоянно натывался на черное листовое пятно, и ее пришлось перевернуть.

– Вот и стой так! – надула щеки Эльга.

Потом не выдержала, перевернула дощечку снова, примерилась и выщипнула пальцами самый неудачный участок. Вот!

Только стало еще хуже.

Ну как так? Теперь в центре Камня, который, на самом деле, конечно, Камнем не был, зияла прореха. Эльга прижала палец, пытаясь сдвинуть часть листьев, чтобы они закрыли прореху собой. Но маленькие негодники упрямылись и кололи кожу.

– Вы как будто не друзья, – прошептала им девочка, снова и снова прикладывая палец. – Хотите, всех вас повыдергаю?

Листья настороженно напряглись.

– Ну и дураки, – сказала Эльга, расстроено шмыгнув носом. – Засохнете и помертвеете, даже жалеть не буду.

Она отвернулась, подтянула и поставила на колени сак, опустила в шуршащее нутро руку.

Золотой дубовый сразу лег в ладонь, устроился под большим пальцем, на правах старшего листа потерялся жилками о кожу. Так и представлялось, как он успокаивающе бурчит: «И чего ты злишься, хозяйка? Забудь. Не стоят они тебя».

Но, конечно, все в темном листовом царстве было не просто, и другие листья, помоложе, поглупей, вились вокруг дубового и кричали: «Измена! Всех – в мелкую крошку! Не хочешь сидеть в букете, выметайся на ветер!»

– Ну, вообще-то, – возразила им Эльга, – я сама виновата. Было темно, и я хотела побыстрее закончить работу.

«Все равно, всех жухлых – к ответу!» – не сдавались любители крошить. Чарник был у них заводилой.

Тут уж пришлось прикрикнуть.

– Имейте совесть, – выговорила им Эльга. – Вы сами еще неизвестно как себя покажете. Может, тоже в букете скукожитесь. Я же только ученица.

Листья задумались.

– Готова? – спросила Унисса, заглянув в дверь.

Эльга, потупившись, спустила ноги на пол.

– Мастер Мару, а почему у меня не получилось?

– Глупый вопрос.

– Но я же чувствовала листья!

– А Камень ты чувствовала? И потом, дорогая моя ученица, мастерство предопределяется временем, на него потраченным. Ты в самом начале пути. Листья понимаешь плохо, ноготь короткий, ни вещи, ни люди тебе еще не открылись. Или ты хочешь с первого букета стать грандаем? Это совершенно невозможно.

Показалось, сак Униссы высокомерно прошуршал, подтверждая ее слова.

Улицы были тихи. Небо было пустым и желтым. Над домом энгавра полоскало черное полотнище с белым кругом в центре. На вершине холма ожидал Канлик, одетый в коричневое платье, стянутое черным поясом.

– Господин энгавр умер, – печально сказал он.

– Он был хороший человек, – склонила голову Унисса.

– Вечером у подножья холма его похоронят. Вы можете присутствовать.

– Кто будет его замещать?

– Я, пока кранцвейлер не назначит достойного своим приматом. Вот, – эконоом протянул Униссе корзинку, – ваш завтрак.

Из корзинки пахло свежим хлебом.

– Мы все еще делаем дождь?

Канлик посмотрел в небо.

– Да, – сказал он. – Я надеюсь, у вас получится. Господин энгавр очень этого хотел.

– Я постараюсь, – сказала Унисса. – Я чувствую, что могу.

– Все этого ждут, поверьте.

– А что с Тангарией?

– Пока никаких новых вестей. Отослали двенадцать мастеров с учениками. Возможно, я надеюсь, на этом все и успокоится. Но, честно говоря, любая почта от кранцвейлера Руе или его канцелярии меня страшит. Да.

Канлик коротко кивнул и двинулся с холма вниз. Проходя мимо смотровой площадки, он перегнулся через ограждение, и Эльга даже зажмурилась – ей показалось, что господин эконоом может решиться на прыжок.

Но этого, конечно, не случилось.

Фигура Канлика, спустившись по склону, пропала из вида. Унисса вздохнула, глядя ему вслед, и потеряла ладони.

– Ну что, ученица, приступаем?

– Да, мастер Мару.

– Сегодня я хочу приготовить панно. А завтра мы начнем потихоньку набивать его листьями. Ты справишься с мешками?

– Думаю, да, – ответила Эльга.

Они позавтракали, прибавив к пирожкам из корзинки не тронутые вчера фрукты и мясо. Унисса показала, как едят по-энкобарски, намазав мясо сметаной. Оказалось очень вкусно, правда, Эльга тут же отрастила длинные сметанные усы, и пришлось бежать к Камню умываться. Вода из трещины выплескивалась долгими толчками.

Мешки встретили Эльгу настороженным шорохом, будто спрашивая: «Что это за малявка? А где прежняя хозяйка?»

– Вы тут мне панику не разводите, – сказала им девочка. – Я уже многому научилась. И вас переберу, вы даже не заметите.

Она села на скамеечку, которую раньше занимала мастер, покрутила рукой, носком туфли отбросила несколько мертвых листьев и принялась за работу.

Первый мешок был с биркой «Симанцы».

Внутри него вместе с опущенной рукой возник нестройный ропот, но Эльга успокаивающе повела ладонью, пошептала на ходу придуманную «листвянку», и обитатели мешка, потолкавшись, признали ее своей.

– Мертвый-дохлый, выходи! – приговаривала Эльга на манер считалки. – И по воздуху лети. Если ты меня услышал, значит, ты наружу вышел!

Ловилось хорошо.

Серые и коричневые, потерявшие живой цвет листья сами набивались в пальцы. Эльга даже удивлялась, как раньше это казалось ей таким сложным? Ну ведь нисколько не сложно!

– Мертвый-дохлый...

Рука действовала словно сама по себе, плыла в шуршащем вихре, вылавливая мертвецов. Их голоса были слабыми, а речь бессвязной.

Эльга разжимала пальцы, и – пыр-рх! – листья взмывали в воздух, будто стая мелких птах, а потом осыпались дождем.

Тень от беседки поползла в сторону. Вились мошки. Ветер, задувая, охлаждал лоб и щеки. За перилами, за высоким прямоугольником панно поскрипывали полы, мастер Мару, что-то приговаривая под нос, наносила воск на нижние плитки.

– Уф-ф!

Эльга выдохнула. У самого дна в мешке пальцы выхватили последнего мертвеца. Он порхнул с ладони коричневой бабочкой, стремящейся с холма вниз. Все, «Симанцы» можно было завязывать.

Повозившись с бечевой, Эльга потащила мешок в беседку, ступая по усеянной листьями траве.

– Мастер Мару.

– Да? – обернулась Унисса.

Воск желтел на ее ладони. И мазок воска застыл на виске.

– Я первый мешок закончила!

– Хорошо. Берись за следующий.

– Да, мастер Мару.

Симанцы к Симанцам. Справа – Кранужан. Слева – Супрыня. А дальше – памятный Кромарь. Много местечек в наделе. За десяток.

До полудня, когда солнце повисло над Эльгиной головой, она успела разобрать еще три мешка, и хотя пальцы сводило, а печать на запястье покалывала кожу, Эльга собой была довольна. Оставшиеся мешки сиротливо жались друг к другу и, наверное, даже побаивались ее уже. Погодите, и до вас дойдет очередь!

– Эльга! – крикнула Унисса.

– Да!

– Передохни.

– Ага.

Эльга, отряхнув ладони, забежала в беседку.

Унисса сидела на лавке перед отодвинутым столом, за ее спиной горела свеча и грелась над ней вода в медной посудине.

Две трети нижних плиток казались светлее остальных.

– Пей молоко, – сказала Унисса, – а то скисает. Как рука?

– Хорошо. Лучше, чем вчера.

Мастер Мару устало кивнула. Но вид у нее был не хмурый, не обеспокоенный, а какой-то умиротворенный.

– А у меня – вот, – с улыбкой показала она ученице сложенные щепотью пальцы. – Думаю, уже и не разлепить.

– Разлепятся! – заявила Эльга.

Она подскочила к столу, осторожно налила молока из кувшина в чашку, взяла лепешку.

Мир за границами беседки тонул в ослепительном солнечном свете, и даже мертвые жухлые листья будто бы светились. На колоннах и резных вставках дрожали жаркие пятна. Горячий воздух лип к лопаткам и шее.

– Жарко, – сказала Унисса.

– У нас и жарче было. – Эльга хлебнула молока. – Прошлым летом два дня у нас даже козы не доились!

Мастер Мару фыркнула.

– Такое бывает?

– Я же сама там жила!

– Скучаешь?

Эльга вздохнула.

– Да, мастер Мару. Но я обязательно их навещу.

– Будем опять в Саморском наделе, отпущу тебя погостить.

– А когда?

– Как дело найдется. Или после того, как в столицу вернемся. Ну, все, допила? – спросила Унисса ученицу. – Давай дальше работать.

– Да, мастер Мару.

На солнце чистить мешки от мертвых листьев было тяжелей. Эльга повязала платок узлом спереди, чтобы косицы его давали хоть какую-то тень.

Руку в глубину.

Листья от жары казались вялыми, полусонными, ловиться стали кое-как, хотели, чтоб их не трогали. Ворчали, кололи пальцы.

Эльге даже пришлось на них прикрикнуть.

– Что такое? – зашипела она в мешок. – Мы как раз дождь делаем! А вы тут кукожитесь, как не знаю кто! Ну-ка, живо на свет!

Зашевелились.

Ведь везде подгонять надо! Как маленькие.

Эльга сердито вычерпывала мертвечину, кого-то сразу перетирая в труху. Ветер утих, видимо, тоже сомлел на солнце, и листья валились друг на друга. Скоро их насыпалась целая горка. Эльга нарушила ее ногами, сгребла частью к основанию беседки, а частью – в другую сторону. Пот щипал уголки глаз и шею.

Руку в мешок, руку из мешка. Руку в мешок...

Плешкин Луг. Покосы. Еще одни Покосы. Гарь-поле. Ох, много листьев. Наверное, все деревья в местечках стоят голые.

Вот интересно, если зарыться в листья, будет ли чуть прохладней? Или набить такой сплошной полог, не картину, а просто, для тени?

Когда Эльга отнесла восьмой мешок и пристроила его к своим же, гарь-польским, на мгновение перед ее глазами все поплыло, и она только чудом разминулась с одним из столбов, держащих беседочную крышу.

– Стой! – сразу скомандовала Унисса.

– Да, мастер Мару.

Эльга остановилась, но не смогла устоять, плюхнулась на такой сладкий, такой мягкий стул, на котором, возможно, отдыхал сам энгавр или даже кранцвейлер. Каким-то загадочным способом в руках ее оказалась кружка, а в кружке заколыхалось белое, с пенкой и мертвой мушкой на поверхности.

– Пей! – сказали Эльге.

Молоко было теплое. Мушка не помешала, проскочила и проскочила.

- Ну, лучше? – присела перед ней Унисса.
- Осталось два мешка, – улыбнулась Эльга.
- Сиди пока здесь, – сказала мастер.
- Эльга кивнула.

Сидеть было хорошо. Было видно небо, отталкивающееся от перил, и далеко-далеко брызги облаков. Панно тоже было видно. Изредка задувал ветерок, но такой невесомый, что воспринимался как легкое дыхание, касающееся то шеи, то ребра ладони.

- Ну-ка, посмотри, – сказала Унисса, – я уже что-то не вижу.
- Эльга сползла со стула.
- Где?

Она вроде бы и шагала, но по ощущениям словно плыла. Жаркий воздух пружинил и с трудом уступал дорогу. И ему нельзя было скомандовать, как листьям.

- Посмотри, все ли я затерла. А то у меня рябит.

Мастер Мару сидела на коленях на полу и держала в руках тряпку и горшок с воском. Светлели натертые плитки.

- Эльга опустила на корточки.
- Вот здесь, – указала она пальцем на темный участок.
- Ага.
- Унисса немедленно затерла пропущенное.
- И вот тут. – Эльга перевела палец выше, на несколько пятен в середине панно.
- Хорошо.

Мастер Мару прошла тряпкой и там, потом с гримасой боли поднялась, отодвинула лавку, отложила горшок на край стола.

- Ну-ка, давай вместе.

Она взяла ученицу за руку. Вслед за мастером девочка сделала два шага назад, и еще один, чтобы оказаться с ней вровень.

- Ой!
- Эльга прижала ладонь к губам.
- Кажется, мы молодцы, – сказала Унисса.

Панно мягко светилось. Прожилки дерева проступали сквозь свет и, казалось, бежали через ограничительные бортики. Рисунок складывался завораживающий, пусть и чуть ломающийся на стыках плиток.

Полукружья, дорожки и островки разных оттенков.

- Это мы сделали? – спросила Эльга.
- А кто еще? В центре будет Дивий Камень, а вокруг него – местечки надела. Думаешь, зачем мы столько листьев перебирали? Каждое местечко расцветет через свой букет.
- Это будет как карта?
- Да, большая и не очень точная, но нам очень точная и не нужна.
- А потом?
- Суп с горьким листом, – сказала Унисса, щелкнув девочку по носу. – Нас еще два мешка ждут, не забыла?
- Я уже отдохнула, – сказала Эльга, – я могу.
- Да, давай-ка мы разберем их вместе.

Солнце сползло с невидимого шпиля над головой и покатилося к западу, пачкая небо бледно-желтым. На горизонте застыл облачный пух, похожий на тростниковые метелки, но он совсем не двигался или плыл себе стороной.

Они расправились с мешками менее чем за час, перевязали, определили к собратьям. Тени удлинились. Ветер играл мертвыми листьями, переворачивал их, будто жарил на солнечных лучах.

– Все? – спросила Унисса.

– Да, мастер Мару.

– Что ж, пойдем ополоснемся?

Эльга кивнула.

Платье мастера подмело листья. У Дивьего Камня женщина вдруг застыла.

– Вот оно что.

Вода из трещины выплескивалась с долгими перерывами. Сначала где-то в основании Камня зарождался клекот, потом он нарастал, переходил в сипение, и только затем прохладный поток, словно плевок через губу, тягуче переливался в короткую ванночку перед желобом. Эльга принялась считать секунды и добралась до двенадцати прежде, чем Камень разродился новой порцией.

Унисса, присев, погрузила в ванночку руки.

– Мойся, пока есть, – сказала она девочке, и лицо ее сомкнулось, становясь тревожным.

– Родник пересох? – спросила Эльга, по примеру мастера промокая ладонями щеки, лоб и шею.

Вода была восхитительно холодной. Хотелось нырнуть в нее с головой.

– Да.

– И что теперь?

– Нам придется поторопиться. Но не сегодня. Завтра. Сегодня мы, сверяясь с картой, наметим границы местечек.

Вернувшись в беседку, Унисса поставила Эльгу у панно и, развернув карту, вложила ее в пальцы ученицы.

– Держи, чтоб я видела.

Вооружившись острой палочкой, сама она встала на лавку и, вытянувшись, повела линию от верхней плитки в углу.

– Подойди чуть ближе.

– Да, мастер Мару.

Эльга сделала шаг.

– Ага, это, значит, Супрыня, – сказала Унисса.

Палочка выписала зигзаг, следуя рисунку местечка на бумаге, потом пробежала вправо и вниз, изображая «пяточок» выступа.

– Четко видно?

Эльга выглянула, приопустив карту.

– Да, мастер Мару.

– А ниже у нас идут Бархатцы и Плешкин Луг.

Унисса на мгновение вернулась к Супрыне и подправила один зубчик границы.

Бархатцы обозначились кривым птичьим клювом, а под ним округлился Плешкин Луг, который, по Эльгиному разумению, был похож на головастика.

– Вы здесь!

Вместе с возгласом в беседку ввалился эконо и, едва не опрокинув мешки, рухнул в кресло.

– Что случилось? – спросила Унисса.

– Родник! По водоводу течет жалкая струйка!

Мастер Мару сошла с лавки на пол.

– Мы видели, господин Канлик.

– Все одно к одному. – Эконом запрокинул голову и страдальчески уставился в потолок беседки. – Люди едва не забросали меня камнями.

– У вас есть колодцы?

– Да, но они высохли почти все. А в хранилищах воды всего на три дня. Может, на четыре. Мастер Мару! – Канлик вскочил и поймал ладони Униссы в свои. – Вы обязаны вызвать дождь как можно быстрее!

Унисса вздохнула и высвободила руки.

– Я постараюсь.

– Что вам нужно, чтобы ускорить создание панно? – Глаза у эконома лихорадочно заблестели. – Работники, охрана, тишина? Я распорядюсь, чтобы никто не смел шуметь! Если надо убрать лишние листья, их уберут.

Казалось, господин Канлик только и ждет кивка мастера, чтобы убежать и привести в действие механизм доставшейся ему власти.

– Господина энгавра похоронили? – спросила Унисса.

Эконом моргнул, напряженно посмотрел на нее, словно она сказала какую-то бессмыслицу, потом лицо его обмякло.

– Да, – сказал он. – Да, с час назад.

– Вам необходимо отдохнуть.

– Это невозможно. Я не могу спать. Я бы хотел, но тогда все остановится, рассыплется, перестанет быть прежним. Я боюсь, что за время моего сна случится еще что-нибудь.

– И сколько вы не спите?

– Это не важно, наверное, три или четыре дня.

Унисса улыбнулась эконому как маленькому ребенку.

– Что же вы, господин Канлик?

– Господин энгавр умер, – прошептал эконом. – Он спросил у меня воды, но я не успел принести... Я, наверное, на секунду заснул.

В пальцах у Униссы появились два незнакомых Эльге листа. Один серо-зеленый, похожий на лодочку, а другой – красный, с заворачивающимися краями.

– Господин Канлик...

– Да?

– Ну-ка, возьмите и разжуйте.

– Вы уверены?

– Сядьте в кресло, – сказала эконому Унисса, – разорвите листья надвое и жуйте.

– О, если бы это был яд! – вздохнул Канлик, послушно опускаясь на лавку.

Несколько мгновений он медлил, вертя листья перед глазами, затем, сложив их пополам, сунул в рот.

– Жуйте.

– Фую.

Эконом задвигал челюстью. Взгляд его обратился в себя. Голова склонилась набок.

– Кифленько, – произнес он и тут же заснул.

Лицо его разгладилось и порозовело.

– Что ж, давай закончим с границами, – сказала Унисса ученице, вновь вставая на лавку с ногами. – Готова?

– Да, мастер Мару, – сказала Эльга, разворачивая карту.

До темноты они успели наметить большую часть местечек.

Им осталось обозначить лишь Гарь-Поле, которое должно было изогнуться полумесяцем справа, и поправить границы самого Дивьего Камня, но Унисса сказала, что на сегодня хватит, кончено, она просто валится от усталости.

Они зажгли фонари. Завозился и проснулся господин эконом. Потом прибежал мальчишка с кухни и принес корзину с ужином – завернутые в тряпицы для сохранения тепла горшки с мясной похлебкой.

Вчетвером они долго смотрели на панно.

Оно мягко отражало свет и казалось расколотым по прочерченным палочкой линиям. Мальчишка, старше Эльги года на два, на три, так и застыл с открытым ртом.

– Сколько еще? – спросил Канлик.

– Две недели, – ответила Унисса.

– Невозможно. Шесть дней.

– Я попробую.

Путь с холма в гостиницу напрочь выпал у Эльги из памяти. Только что темнели и пахли листьями мешки, густели сумерки за перилами беседки, и вдруг под ногами уже ступеньки гостиничной лестницы, а впереди поднимается мастер Мару, сворачивает по коридору в свою комнату. И совершенно непонятно, был ужин или обошлось без него.

Кошмар.

Как разделась, как легла, Эльга тоже не помнила. Помнила только, как, проснувшись, сходила на ночной горшок. В ушах постоянно шумело и шуршало, в глазах рябило, а знак, поставленный мастером, чесался и зудел. Возможно, конечно, что так проклевывались гран-дальские умения, но им, кажется, было еще рано.

Просыпаться не хотелось никак.

Сквозь сон слышалось, как кто-то ходит по комнате, что-то говорит, выпускает в распахнутое окно распаренный воздух, но едва разлепленные глаза тут же смыкались, а сладкое небытие притягивало голову к подушке.

– Эльга. Эльга!

С нее сдернули одеяло, встряхнули и поставили на ноги.

– Я не хочу, – скривила губы Эльга.

Но твердая рука не дала ей упасть обратно в постель.

– Эльга! У нас не времени.

– Я сплю.

– Тогда просыпайся, – сказала Унисса. Она сунула платье в пальцы ученицы. – Одевайся.

– Я вам что, лист в мешке?

– Именно. И лист живой, а не мертвый!

– А можно завтра?

– Нет.

– Ненавижу листья!

– Что?

Шлепок ладонью по щеке вышел хлесткий, неожиданный. Слезы так и брызнули у Эльги из глаз.

– Мастер Мару! – вскрикнула она.

Щека запульсировала жаркой болью. Но еще больше было обидно. Что она сказала-то? Подумаешь!

– Одевайся! – ледяным тоном произнесла мастер.

Эльга стояла не двигаясь. Мутная слеза, скользя с подбородка, расплылась кляксой на половой доске.

– Я жду тебя, – отрывисто сказала Унисса и вышла из комнаты, оставив дверь открытой.

Эльга еще поплакала, но руки знали свое дело – ослабили ворот, вскинули платье и про-сунулись в рукава.

– Ненавижу! – повторила Эльга.

Озадаченно прошелестел сак.

– Да! – выкрикнула Эльга. – И тебя тоже! Всем вам чего-то надо от меня! А я... я же не грандаль, я еще никто!

Она затянула концы платка на голове так, что голова чуть не лопнула.

С подоконника с холодным презрением на нее посмотрел неудавшийся букет с Дивьим Камнем. Кромки нескольких листьев уже отстали и завернулись, превращая работу Эльги в унылую и мрачную картину.

– Сам дурак! – сказала ему Эльга.

Букет ответил высокомерным «кх-м». Ему, с высоты его уродства, простое «дурак» виделось чуть ли не похвалой. Всего лишь дурак!

Эльга вышла, потом вернулась и положила букет Камнем вниз. В наказание.

Униссы не было ни внизу, в зале, ни во дворе, и девочка, скрепя сердце, побрела к дворцу энгавра, а потом по тропке на вершину холма в одиночку.

Щека уже не горела, но злой огонь еще копошился внутри, как неугомонные листья в саке.

Вода из трещины Дивьего Камня не текла.

– Ну наконец-то! – сказала Унисса, обнаружив ученицу, заглядывающей через перила. – Помогать будешь?

Она сидела на корточках. Вокруг нее громоздились в мешках Покосы и Симанцы. Эльга мотнула головой.

– Что ж, обижайся сколько хочешь, – сказала мастер. – Но есть вещи, которые говорить просто нельзя.

– Ну и пусть, – буркнула Эльга.

– А я сделаю дождь.

Эльга промолчала, потом забралась в беседку и села на скамью.

Мастер выгребала из мешков листья и кидала их на панно. Колючими, косматыми пятнами они застывали в пределах местечек, и Унисса уминала их в нужные границы, подрезала, подворачивала и придавала пальцами нужную форму.

Эльга пересела, чтобы видеть лучше.

– Позавтракай, – сказала Унисса.

На месте деревянных плиток, отведенных под Покосы и натертых воском, скоро появилась бугристая листовая масса, пухлая, но не выступающая за высоту поребриков. Две трети нового мешка – и масса приобрела очертания и рельеф. Эльга неожиданно разглядела холмики и низинки, сухое русло речки из темных, прогнутых листьев, леса и перелески, тонкие ниточки тропок, деревушки и одиноко стоящие домики.

Полосками растянулись луга, желтел и вился стремящийся в сторону центральных плиток широкий тракт.

Унисса не разгибалась, рука ее ныряла за листьями, доставала их, и они тут же шли в работу, теряли зубчики и черенки и становились частью букета. Покосы обрастали деталями, которых не было на карте, но Эльга почему-то не сомневалась, что они были в действительности. Вот похожий на рыболовный крючок овраг, вот стога, вот охотничьи домики в глубине леса.

– Ф-фу-у!

Мастер, отступив от панно, села рядом с девочкой. Светлые ее волосы были мокрыми, щеки и шея блестели от пота.

– А ведь красота, – сказала она.

Эльга нехотя кивнула.

– Хочешь отказаться от этого? – повернула голову Унисса.

– Я все равно так не смогу.

– Почему? Сможешь. Дай-ка молока.

Эльга, потянувшись, сняла со стола пузатый кувшин.

– Вот, мастер Мару.

Унисса накрыла ее пальцы своими.

– Так что скажешь?

Эльга опустила глаза.

– Простите.

Обида еще свивалась где-то в горле, но была совсем маленькой.

– Быть мастером очень непросто, – сказала Унисса тихо, – но листья – это как дети, они продолжение твоих рук, часть твоей души, крови, жизни. Ты можешь злиться на них, спорить с ними, призывать к порядку, но ненавидеть...

От слов мастера Эльга ощутила, как у нее начинают гореть уши.

– Это как ненавидеть свои пальцы. Свой рот, – продолжила Унисса, – сердце, нос, брови. Дом, родных.

– Но если у меня ничего не получается... – прошептала Эльга.

– Терпи и пытайся.

– Я устала.

– Я понимаю, девочка, – мягко сказала Унисса. – Но другого пути у меня для тебя нет. Знаешь, что говорил мне мастер Крисп? Что лучший лист для букета всегда находится на вершине дерева и хочешь не хочешь придется туда забраться.

Мастер сделала несколько глотков из кувшина.

– Будешь молока?

Эльга мотнула головой.

– Все равно поешь что-нибудь.

Унисса сунула ей в руку половину сухой лепешки. Девочка, вздохнув, откусила совсем чуть-чуть.

– Мне мешки подавать? – тихо спросила она.

– Нет, – сказала Унисса, – займешься первым слоем. Этот букет-панно мы сделаем вдвоем.

– Вы шутите?

Мастер Мару заломила бровь.

– Ты не хочешь?

– Очень хочу! – горячо заверила ее Эльга. – Но я, наверное, напорчу. Вы же видели мой первый букет!

Унисса улыбнулась.

– Ну, думаю, это достаточно простое задание. Не легкое, но простое. Поняла? Главное, старайся, чтобы листья держались в границах местечек. Делай пышную подушку, не страшно, я потом умну. И еще – у нас очень мало времени. – Хлопнув ладонями по коленям, женщина встала. – Так что, ты готова?

Эльга торопливо запихнула в рот остатки лепешки.

– Фа!

Мастер Мару рассмеялась.

– Тогда вперед! Бери правый край и отсыпай Кранужан, Живцы и Гарь-Поле. Только смотри, потихоньку, одно местечко за другим, не перепутай.

– Да, мастер Мару!

Эльга, подпрыгнув, свалила на себя мешок с биркой «Живцы».

– Осторожнее, – сказала Унисса.

– Он легкий!

Листья в мешке настороженно шептались между собой. Кто такая? Что ей надо? Неопытная девчонка-то, безрукая совсем...

Эльга только засопела.

Нет, она не собиралась с ними спорить. У нее – дело. И вообще, глупые листья слушать – только время терять.

Она сбегала к столу, посмотрела карту. Ага, вот где Живцы, раскинулись понизу до правого края. Ух, большие, просто кошмар, двух мешков не хватит. Кранужан выше, а полумесяц Гарь-Поля липнет к Дивьему Камню.

Руку – в мешок. Как поживаете, Живцы?

Глубже, глубже – и листья облепили кожу до локтя. Даже вытаскивать было боязно. Держитесь там?

Эльга вдохнула.

Рука появилась из мешка вся, словно ветка, поросшая зеленью. Липа, береза, овсюг. Стебельки травы и мятые бутоны полевого цвета.

Так, теперь, наверное, надо как-то переместить...

Эльга поднесла руку к панно. Листья держались плотно, как чешуя. Слышалась их напряженная вибрация, кожа от них зудела.

Ш-ш-шрыш-шыр-шыр.

– Мастер Мару, – обернулась Эльга.

– Страхивай, – сказала Унисса, откусив у листа непослушный черенок. – Резко, как воду с пальцев. И направляй сердцем. Листья поймут.

– Да, мастер Мару.

Эльга искоса посмотрела на панно. Дерево сделалось узорчато-лиственным, с прихотливыми трещинками, в золоте нанесенного воска. Что ж, готовьтесь, Живцы.

Р-раз.

Согнутая в локте рука выпрямилась, и листья посыпались горизонтально, словно только того и ждали. Они втыкались в дерево, будто железные пластинки, и формировали ряды. Десяток или два упали, не удержавшись, но остальные застыли плотным, зубчатым, подрагивающим строем.

Унисса, отклонившись, посмотрела на результат.

– Очень хорошо, Эльга. Продолжай.

– Да, мастер Мару.

Эльга снова сунула руку в мешок.

Листья теперь облепили ее быстрее, охотнее, сами торопились попасть на панно. Понятно, каждому хочется поучаствовать.

Еще и передерутся. Уступите, подвиньтесь, мы, дубовые, всегда первые...

Фыр-р-р – полетели, проникая, прорастая в узор, поднимаясь новым рядом. Заползший за границу Живцов отросток Эльга смяла в ладони. Почудился жалобный писк. Простите, простите! – покаянно подумала она и разжала ладонь.

Ветер снес мятые трупки за столбики веранды.

Еще! Только уже внимательней, чтобы ни один лист не пропал зазря. Вспухала, прорастала диковинным ворсом зелень, Живцы обретали объем и цвет.

Мешок пустел на удивление быстро.

– Так, – объявилась рядом Унисса, – замечательно. Теперь отдохни. Пить не хочется?

Эльга мотнула головой.

– Все равно попей.

Женщина усадила ее на скамейку, вручила кружку с подкисшим с утра молоком. Оказалось, что уже полдень.

– А вы? – спросила Эльга.

Унисса посмотрела на ошетилившиеся листьями Живцы.

– Да, наверное. – Она села рядом. – Как тебе Покосы, хороши?

– Мастер Мару, я очень-очень хочу научиться так же! – проникновенно сообщила девочка.

Унисса потрепала ее по волосам.

– А куда ты денешься?

– А из листьев можно все что угодно сделать?

– Наверное. Только оживить никого нельзя, – сказала мастер.

В беседку, обмахиваясь длинным рукавом, поднялся эконо. Выглядел он не в пример свежей вчерашнего.

– Добрый день. Спешу посмотреть, как вы здесь.

Вместе с ним по ступенькам тяжело поднялся полный усатый человек в светлой накидке. Он слегка припадал на левую ногу.

– Господин Эрмин, – представил его господин Канлик.

– Долгой жизни, мастер листьев, – склонил голову тот.

– Чем обязана?

Господин Эрмин обернулся на эконома. Лицо у него было серое и слегка, на взгляд Эльги, походило на жабы.

– Видите ли, – помявшись, сказал он, – еще до смерти энгавра Миккоша поползли слухи...

– Обо мне? – Глаза Униссы потемнели.

– Нет, нет, что вы! – испугался господин Эрмин. – Поползли слухи о том, что вода... что вы каким-то образом придерживаете воду.

– Я?

– Да, что вы здесь, наверху, перекрыли родник.

– Он сам пересох! – сжимая кулачки, встала перед Эрмином Эльга. – А мы, наоборот, хотим вас спасти!

– Я все понимаю, девочка, – господин Эрмин развел руками, – но люди отчаялись. Им нечем поить детей и животных. Им нечем поливать поля.

– И что? – спросила Унисса, отстранив ученицу.

– Энгавра любили, – вздохнул господин эконо.

Он подошел к столу, достал из корзинки яблоко, повертел, словно удивляясь, зачем вокруг него сжались пальцы, и опустил обратно.

– Я не понимаю. – Мастер Мару скрестила руки.

– Много людей пришли с ним проститься, – сказал Канлик, и господин Эрмин закивал. – Эти люди никуда не ушли после похорон. Наоборот, толпа все время растет. Подходят с Бархатцев и Гарь-Поля.

– Я не видела...

– Мы держим оцепление ниже по улице.

– Я боюсь, – сказал господин Эрмин, – еще день-два, и охрана не сможет удержать их.

Они поднимутся на холм...

Он умолк.

– И убьют меня? – досказала за него Унисса.

В светлых волосах ее застрял черенок листа, как мышинный хвостик.

– Два года куцега, впроголодь, урожая, – сказал Канлик, отводя глаза. – А в этом году – совсем ничего. Господин энгавр еще месяц назад распорядился о раздаче муки и зерна с городского склада, но припасов почти не осталось. Их и было-то... Люди измучены и злы. Они готовы поверить в любую чушь. А тут еще ваши листья падают им на головы.

– Думаете, убийство мастера их спасет? – хмыкнула Унисса.

– Они в отчаянии.

– В таком, что верят в черное мастерство?

– Именно.

– А что кранцвейлер? Вы писали ему?

– Судя по ответу, он не считает это чем-то серьезным.

Господин эконоом вытянул из-за пазухи письмо и подал его Униссе. Мастер расправила плотную желтоватую бумагу.

Несколько секунд женщина изучала слова, мелкие строчки, плывущие над овальной лиловой печатью с золотой искрой.

Заскучавшая Эльга стала играть с листьями носком сандалии. Она как-то знала, что один был с Покосов, а два других – с Живцов. Живцы высокомерно относились к Покосам, задирали зубчики. А травинка, прибившаяся к ним, была здешней.

– Письмо пришло на прошлой неделе, – сказал эконоом. – Оно, конечно, не о нынешней ситуации – мы высылали отчет о бедственном положении надела и города еще в начале весны. Но у господина кранцвейлера, кажется, голова болит совсем о другом.

– О Тангарии?

– Наверное. К тому же он не очень жалуется наши места, мы когда-то хорошо бунтовали против его отца.

– И это, я вижу, осталось, – сказала Унисса, складывая письмо. – Сколько времени вы мне можете дать?

– Думаю, у нас нет ни двух недель, ни шести дней, – сказал Канлик.

– Три дня, – шумно выдохнув, сказал господин Эрмин. – Я могу... Я обещаю вам, мастер, три дня. Большого вам не дал бы и сам всеблагий Бог Икке.

– Три?

– Вода кончится, – печально кивнул эконоом. – Последнее из хранилища сливаем в бочки и везем на улицы.

– Так, ну-ка!

Унисса поймала за рукав господина Эрмина, подхватила под локоть господина Канлика и подвела их к панно.

– Смотрите! Это невозможно сделать за три дня!

– Почему же? Ой, – господин Эрмин наклонился, разглядывая сложенные из листьев домики и тропки, – это же Покосы.

Лицо его приобрело выражение радостного изумления.

– Господин Канлик, – он благоговейно повел пальцем, – я здесь рос когда-то.

– Это Покосы, – сказала Унисса. – А еще должны быть Бархатцы, Симанцы, Кранужан, Гарь-Поле, Живцы, Супрыня, Кромарь и Плешкин Луг. И Дивий Камень в центре. Как вы думаете, это можно сделать за три дня? Господин Канлик...

Мастер развернула эконоома к себе. Тот с трудом отвел взгляд от панно.

– Да-да, я понимаю.

– Что вы понимаете?

Эконоом, глядя на лиственный черенок в волосах Униссы, забормотал, словно в горячке:

– Одежда, подушки – сюда, в гостинице уже нет смысла... Трехдневный запас на вас и на ученицу... Тропа одна, на подъеме можно продержаться меньшим числом... Второй подъем слишком крут, и там завал... В целом, я считаю...

– Убирайтесь!

Господин Канлик вздрогнул.

– Что?

Взгляд его стал осмысленным.

– Убирайтесь! – повторила Унисса, привлекая Эльгу к себе. – Видеть вас не хочу!

Девочка ощутила, как на ее плечах подрагивают пальцы мастера.

– Но три дня...

– Вы мешаете мне работать, – процедила Унисса.

Эконоом закивал.

– Да-да, я понял. – Он потянул за собой господина Эрмина, который все еще слабо улыбался. – Может быть, охрана?

– Никого, ни одной живой души! Четыре лампы и бочонок с водой – к вечеру.

– Тогда мы уходим.

Канлик и прихрамывающий господин Эрмин покинули беседку, оставив в душе девочки ощущение непонятного беспокойства.

– Они глупые? – спросила Эльга, задрав голову.

– Возможно. – Унисса опустилась на лавку, словно у нее внезапно кончились силы. – А мы с тобой кто?

– Дождеделатели!

Губы у Униссы дрогнули.

– Какой уж тут дождь?

– Мастер Мару! – Эльга, кинувшись, обняла женщину за шею. – Вы же можете! Я знаю, что вы самый лучший мастер!

– Нас могут убить, если мы не успеем, – сказала Унисса, глядя ученицу по спине. – Это будет обиднее всего.

– Они в отчаянии, – повторила Эльга слова эконома.

– Эх ты, дурочка...

Эльга чуть не расплакалась – настолько добрыми показались ей слова.

– А вы станете грандалем.

– О да! – ломающимся, высоким голосом сказала Унисса. – Я стану грандалем и улечу на небо.

– Почему?

– А куда ветер уносит листья? Не хочется думать, что он забивает ими трещины и водостоки. Так что, ученица, путь грандалю один.

– А как же я? – всхлипнула Эльга.

– Ты? – Унисса отстранилась и взяла ее за острые локотки. – Ты продолжишь мое дело. – Она слегка встряхнула ученицу. – Но пока не время унывать. Ты готова поработать?

Эльга кивнула. Мастер вытерла ладонью ее мокрые щеки.

– Сейчас доделываешь Живцы и берешься за Кранужан. Я на тебя надеюсь. Если останутся силы, набиваешь Симанцы.

– Да, мастер Мару.

– Хорошо.

Унисса вдохнула жаркий воздух, глубоко в себя пряча неуверенность и слабость, и поднялась с лавки.

– Что ж, а я приступлю к Супрыне.

Эти три дня свились для Эльги в листовенную ленту.

Сквозь прорехи в ней, чередуясь, плескали солнце и густой оранжевый свет ламп. Бодрствование походило на сон, сон осыпался листьями, мысли ползали, как гусеницы, и, казалось, выедали мозг.

Эльга не была уверена, что вообще работала в сознании. Живцы – еще возможно, но Кранужан и тем более Симанцы...

Нет, Симанцы точно как-то сами.

Эльга помнила, как золотились перила слева, а потом розовели справа, но прореха между этими двумя наблюдениями виделась пугающе глубокой. Это же, получается, день прошел. Но один день или сразу два?

Голос мастера гудел в ушах, подстегивал, спрашивал, стрекотал, вгоняя в сон. Сама мастер бродила тенью, рассыпая листья и порождая ветер. Она была то здесь, то там, то стыла у

панно, то, замерев, сидела на лавке, то лежала на принесенном ворохе одеял, устремив немигающий острый взгляд в пересечение брусьев под крышей, чтобы в следующее мгновение вскочить и лихорадочно опустошить на плитки один из мешков.

Эльга не была уверена, что мастер что-то ела и пила эти три дня. Она осунулась, чернота залегла под глазами, а в движениях рук и шеи проступила нервная, раздражительная резкость.

– Опаздываю! – хрипела Унисса.

Листья были повсюду, набрасывались, пахли печально и терпко, кололи пальцы, шелестели: «Дурочка, тихоня, шевелись!»

Эльга выныривала из листового омота, но тот закручивался и, не желая терять жертву, захлестывал и тянул на глубину.

Бульк! Пропала с головой.

Чтобы вынырнуть снова, приходилось разбрасывать листья усталыми руками, деля их на Кранужан и Симанцы, брысь, брысь, брысь. Откуда вас столько? Вы что, из других мешков? Или шутики шутите?

Беседка качалась, мир звенел, проступая фрагментами. То кусок заваленной листьями поляны лез на глаза, то куда-то плыл в ночи огонек, облепляя человеческую фигуру. Куда вы, господин экономай? Или вы не господин экономай? Простите.

В груди потрескивало, словно внутренности превращались в сухой букет.

– Три дня!

Мастер Мару хохотала и кусала губы. И била себя по щекам. И дышала Эльге в затылок, наклонившись низко-низко.

Эльга, наверное, испугалась бы ее сумасшествия, но сама была близка к помрачению. Да и пугаться, честно, сил не было.

– Мы справимся, – шептала Унисса. – Знаешь, – словно в забытии произносила она, пока ее пальцы шупали пустоту у Эльгиных плеч, сдергивая невидимые листья, – у нас, мастеров, ходит поверье, что во всяком лесу есть самый важный лист. Найдешь его, и лес тебе подчинится, откроет все тайны, пропоет все звуки, научит летать и прятаться, укроет и защитит. А у меня такое чувство, что это панно имеет такую же природу. Я обязательно что-то пойму, когда его закончу. Что-то важное. Я вырасту, понимаешь? И, значит, нам никак нельзя умирать. И тем более нельзя останавливаться.

Эльга тихо соглашалась:

– Да, мастер Мару.

Кранужан и Симанцы росли и пухли, самодовольно шелестя. Эльге казалось, что часы ее жизни перетекают на плитки. Лиственное зрение отпускало с трудом. Серый пустырник и чарник, липа, ольха и клен – вот из чего состояло все сущее. Унисса, чистотел и одуванчики, куталась в одеяло из трав.

Доделав Покосы, Супрыню и Плешкин Луг, она загнала девочку наверх, к Бархатцам, а сама встала на ее место, оформляя труды ученицы рукой мастера в копии местечек, в холмы и низинки, в поля, ограды и огороды.

Руку Эльге уже даже не надо было засовывать в холщовое нутро – листья цеплялись и текли, текли между пальцев. Ручьем, рекой, неостановимым потоком.

Наверное, Бархатцы она набила и вовсе во сне. Как не свалилась с поставленной на лавку приступки, непонятно. А потом вдруг обнаружила, что спит сидя, пустая кружка покачивается на пальце, а у ног на полу растекается молочное пятно.

– Поспи, – приказывала Унисса.

Эльга кивала и, кажется, спала, но в следующий момент почему-то уже тащила мешок или тянулась поправить вылезающий за рамку листовенный клочок.

Солнечные пятна скакали по дереву, за перилами ветер гонял скукоженные, коричневые комочки, в ушах звенели голоса. Эльга – тихоня! Эльга – тупица! Эльга – вечная ученица! Глупые. Отвлекаться на вас еще.

Тут осталось-то...

Утром четвертого дня снизу пришел гул, шорох множества ног, лязганье железа. Эльга с удивлением слушала набирающее силу «У-у-у!» человеческих злости и обиды.

Скоро на смотровую площадку выплеснулись первые фигуры, как вода, они протекли к Дивьему Камню, а от него – к беседке.

Снизу появлялись еще и еще люди, босые, изможденные, в лохмотьях и просто дрянной одежде. Иссохший родник вызывал у них стоны и плач. Многие несли на руках детей, и было не ясно, мертвые это дети или живые.

Солнце красило их красным, листья хрупали под ногами.

Унисса поднялась и ждала идущих, обступающих беседку людей со скрещенными на груди руками. Наверное, оказалась она более-менее соответствующей их ожиданиям о мастере, пользующем воду за их счет, ее тут же убили бы. Возможно, хором, многорукой толпой скинули бы со смотровой площадки вниз, на камни. Но глазам их предстал такой же изможденный, высохший человек, как они сами. Эльга, прячущаяся за юбкой мастера, выглядела не лучше.

Это вызвало некоторое замешательство.

– М-мастер... – прохрипел кто-то.

Ни один не шагнул в беседку.

Безумные глаза. Жаждающие рты. Серые, грязные платья, штаны и рубахи.

– Ты! – Унисса пальцем выбрала ближнего, заросшего, худого мужчину. – Иди сюда.

Тот испуганно мотнул головой.

– Ну же!

Толпа качнулась, и мужика внесло в беседку.

– Берись.

Она показала ему встать у притворенного ставнями панно. Эльга не помнила, чтобы они навешивали ставни.

– Мне нужны еще трое.

С задних рядов кто-то крикнул что-то неразборчиво-злое, возникла толчея, лица людей помрачнели, толпа сбилась теснее, задышала отчаянием. Дивий Камень чернел за ними, с трещиной, алеющей по сколам, как разбитое сердце.

– Вы хотите дождя? – как кость собакам, бросила в воздух свой голос Унисса. – Ну же, я дам вам дождь. Еще трое.

Сдавленный вздох прокатился по толпе. Злость. Страх. Надежда. Один, два, три человека протиснулись, встали перед мастером.

– Вы точно...

Взгляд из-под колтуна. Унисса даже не стала слушать.

– Беритесь за края, осторожно катите наружу.

Ш-ш-ш – сонно зашептали листья. Эльга крепче сжала юбочные оборки в кулаке.

Панно, огромное, полное тайного шелеста и скрипов, протиснулось в проем, застряло, дернулось.

– Держите там, – выдохнула Унисса.

Потянулись руки, мужские, женские. Кто-то прищемил палец и, вякнув, получил по затылку ладонью. Панно выплыло и встало, чуть-чуть наклонившись.

Высокое. Темно-коричневое.

– Пошли, – сказала Унисса ученице, и они выбрались к толпе под солнце.

Эльге казалось, что она идет не сама.

– Нам не принесли воды, – хрипло сказала Унисса, поворачиваясь перед людьми. – Так получилось. Вам всем придется помочь мне.

Она перевела дыхание, покачнулась, и Эльга неловко обхватила ее в поясе, чтобы не дать упасть.

– Снимите ставни.

Ее, помедлив, послушались.

Дерево стукнуло о дерево, толпа отхлынула и потрясенно замерла. Кривые рты. Стылые глаза. Кости сквозь кожу.

– Это же Камень наш...

– А вот Бархатцы.

– И Гарь-Поле!

Местечки сияли под солнечными лучами.

– Вам нужно... – сказала Унисса, едва шевеля губами. – Каждому...

Ее расслышала только Эльга.

– Тише! – крикнула она, стараясь перекрыть гул голосов. – Вам нужно плюнуть! Каждому! Кто куда достанет. Не только на Дивий Камень. Всюду.

Унисса благодарно прикрыла глаза.

Люди запереглядывались, морщили лбы, пялились непонимающе. Тогда Эльга шагнула к панно первой.

– П-фу!

Слюны было немного, брызги упали куда-то в район Покосов.

– Ну, плюйте же!

Рядом с Эльгой вдруг оказалась женщина, тронула морщинистым пальцем.

– Куда плевать, доча?

– Куда хотите.

– Пффуй!

Женщина плюнула, вытерла сухой рот рукавом. Отошла в сторону, приставив к глазам ладонь от солнца.

– И в Камень можно? – спросил кто-то.

– Да.

– И дождь будет?

– Будет.

– Что-то не верится.

– Плюйте!

По одному, оглядываясь, пожимая плечами, мол, раз сказано, то чего уж нам, люди подступали к панно. Вытягивались шеи, задирались головы. Один глаз щурился, другой целился. Собирались губы, высовывался язык.

Тьфу, пффу, пфуй!

Ни облачка. Солнце карабкалось, лило жаркий свет. Эльга снова держала Униссу, которая, казалось, мелко дрожала изнутри. У Эльги ныли пальцы и подгибались колени.

– Плюйте!

Тьфу, пффу, пфуй!

Люди сменяли друг друга, отступали назад. Ходили кадыки, морщились лица. Хрустели мертвые листья.

– Ну же, – шептала Эльга.

Кто-то высокий, с клочковатой, неряшливой бородой, привстав на носки, выцелил Дивий Камень.

– Тьфо-у!

– Ой! – хлопнули себя по носу в толпе. – Капнуло!

Множество глаз зашарили по блеклому небосводу.

– Кто? Что? Где?

Зараскрывались рты, ловя небесную влагу.

– Плюйте!

– Тьфу!

– Пфу!

– Скамеечку можно? Тьфу-фоу!

– Ой, и на меня попало!

– И на меня!

Толпа заволновалась, заходила по холму в густом, настоящем ожидании. Кто-то воздел руки. Тьфу, пффу, пфуй!

Кр-рак! – расколосось небо.

– Что это? Что? – задробили по холму голоса.

Унисса вскинула голову. Лицо ее расцвело короткой улыбкой.

– Смотри-ка, – шепнула она Эльге, – кажется, работает.

В вышине глухо, разбуженно заворчало. Солнце потускнело, словно припорошенное листьями. Фыр-р-р! – рассыпались редкие пока капли, попадая на счастливых.

– Дождь! – крикнул кто-то.

Крик всколыхнул людей. Толпа пришла в усиленное движение, поворачиваясь к панно новыми лицами.

– Плюйте! Плюйте!

– Тфу!

– Гуще!

– Их-тьфу! Погодите, я еще раз. Их... тьфу-у!

Дохнуло прохладой.

Дождевой залп прошел косой полосой. Эльга с удивлением посмотрела на влажное пятнышко, крапинку, возникшую на светлой ткани платья.

– Помогите мне, – сказала Унисса.

Опираясь на ученицу, она медленно повернулась и нетвердым шагом взошла в беседку. Эльга опустила ее на скамейку.

– Не хочу мокнуть, – сказала Унисса.

Поставив локоть на стол, она подперла ладонью щеку и прикрыла глаза.

– Дождь будет замечательный.

Ее лицо сделалось умиротворенно-светлым. Устало осела фигура.

Снаружи по толпе прокатился еще один дождевой заряд, вызвав крики радости. Кто-то принялся ломиться вниз с холма.

– Люди, дождь!

В глубине толпы пустились в пляс.

Эльга села прямо на ступеньки. Ей виделись сотканные из листьев люди – липа, клевер, чертополох, слива, их ноги, их одежды из льна и ягод, – а небо казалось огромным листом лопуха, в котором вредные гусеницы проели множество дырочек.

Бух-бу-бух!

Громынуло так, что дрогнули земля и беседка. Солнце спряталось за дымкой. Закапало сильнее, будто тонкие пальцы застучали по крыше. Даль размылась, приобретя сиреневые и темно-синие тона. Осенний клен, цветок синеглазки.

Бу-бух!

Ниточка молнии сверкнула вдалеке. Дождь обрел голос, зашумел, заворчал, припустил. С изгибов крыши потянулись вниз струйки воды.

– До-о-ождь!

Эльга смотрела, как радость омывает лица людей, как они блестят, как, облепленные мокрыми одеждами, изгибаются их тела.

В канавке у крыльца уже образовалась лужица. Мелкие брызги летели с перил. Вытоптанная земля расплзалась под мужскими, женскими ногами. Дождь еще усилился, накрыл холм сплошной пеленой, спрятал в себе большую часть толпы.

Какая-то старуха в длинном платье, сорвав платок, упала перед Эльгой на колени:

– Долгой жизни, долгой жизни!

Дождь капал слезами с ее подбородка.

– Это не мне... – Эльга обернулась. – Мастер Мару!

Голова Униссы лежала на столе.

– Мастер Мару!

Девочка вскочила. На миг ей показалось, что мастер не дышит, но Унисса, шевельнувшись, слабо качнула рукой.

– Все хорошо, я слышу.

– До-ждь! – ходило над головами.

– Набирайте воду! – крикнул вдруг кто-то. – Набирайте, во что есть! Делайте запасы!

Бу-бух!

Гром вновь прокатился над толпой, и она дрогнула, оплывая и распадаясь. Дождь принялся затыкать прорехи. Словно листья под ветром, люди торопливо потекли вниз, к своим домам, корытам и кувшинам.

Пять минут – и на вершине холма не осталось почти никого. Мокло панно, стояла вода в отпечатках босых ног, темнели забытые тяпки. Кто-то поскользнулся у смотровой площадки, упал и завозился там, раскидывая комья грязи.

Мир звенел и шелестел вокруг. Он был нечеткий, зыбкий. Силуэт Дивьего Камня дрожал под пеленой дождя.

– А до грандаля мне еще далеко, – услышала Эльга усталый голос мастера.

– Зато дождь, – сказала она.

– Да, дождь.

Эльга вышла из-под крыши и, высунув язык, поймала несколько теплых капель. Вода показалась ей сладкой.

А потом в стороне неожиданно громко хлопнуло, из расколотого Дивьего Камня выстрелила в небо гигантская водяная струя и пролилась на город.

Эльга фыркнула, вернулась в беседку и уснула у мастера под боком.

Господин Канлик, к всеобщему облегчению, отделался синяком под глазом и болезненным вывихом плеча. Отставив руку на перевязи, он неловко обнял Униссу.

В отремонтированном зале было пусто и пыльно. Панно с закрытыми ставнями задвинули к дальней стене. Рядом, в углу, поставили трехведерный бочонок с водой. Висел на веревке ковшик.

– Садитесь, – попросил эконоом.

– Мы, собственно, попрощаться, – улыбнулась Унисса.

Она все еще была бледна. Светлые волосы непослушными клочками торчали из-под платка.

– Уже? – огорчился Канлик.

– Заказ мы исполнили.

Эльга кивнула, подтверждая слова учителя. Эконоом, присев, потрепал ее по голове не пострадавшей рукой.

– Жаль. – Он вздохнул и, поднявшись, повернулся к панно. – Для дождя, значит, просто полить водой?

– Да. Или любое местечко, или все вместе. В зависимости от того, где нужен дождь. Три ковшика – день дождя.

– Я понял.

– Года на три хватит. Потом листья начнут облетать.

Господин эконоом подошел к низкому столику и взял с него глухо звякнувший мешочек.

– Я выписал вам сорок двойных эринов награды.

Унисса потрянула головой.

– Куда мне столько?

– Вы заслужили.

Канлик протянул мешочек Униссе. Та, подумав, взяла.

– Благодарю.

Господин эконоом кивнул.

– Меньшее, что я могу сделать.

За окнами залы несмело проглядывало солнце, казалось, удивленное, что ему опять можно светить и греть.

– Когда уезжаете? – спросил Канлик.

– Сегодня, – ответила Унисса.

Часть 2

Им повезло купить фургон с двумя лошадьми.

Фургон оказался настоящим домом на колесах, с узкими лавками, на которых можно было спать, с полками выше, с лампой на крюке, дверцей сзади и окошком спереди. На плоской крыше уместились четыре оставшихся от набивки панно мешка.

Они накупили припасов, приобрели несколько платьев и пару дорожных плащей. Веселый плотник сколотил Эльге несколько чудесных рамок, в которые тут же вставил тонкие деревянные дощечки. Унисса раздобыла десяток холстов.

– Н-но!

Поехали дорогой на Гарь-Поле. Лошадки послушно трусили по размякшей, но все еще добротной дороге, выводя колесную колею.

Сидеть на обшитой волчьими шкурами извозчицкой скамье было удобно, ноги упирались в специальную подставку, сверху нависал козырек, не давая редкой мороси попасть в глаза.

Унисса держала вожжи.

Сбруя позвякивала, фургон кряхтел и скрипел, копыта с чавкающим звуком опускались в глинистую грязь.

– К вечеру остановимся, – сказала Унисса, – и будешь набивать букет.

– Ну мастер Ма-ару! – протянула Эльга.

– У тебя был день отдыха, этого, думаю, хватило.

– А пальцы до сих пор болят!

– Поболят – перестанут.

– Ага, конечно.

– Не пререкайся.

Эльга вздохнула.

– Да, мастер Мару.

– Пока попробуешь набить наш фургон. Это простое задание.

Мимо потянулись поля, блестящие канавками воды и полные желтоватых стеблей. Чуть в стороне ровняли новый участок – тощий вол уныло тянул за собой борону. На воле сидел мальчишка в остроконечной шляпе.

– А куда мы едем? – спросила Эльга.

– В Гуммин. Это восточнее, Иссимский вейлар.

– Там новый заказ?

Унисса качнула головой.

– Нет, когда-то в Гуммине жил мастер Крисп, а потом оставил на меня дом. Я навещаю его время от времени.

– Кого? Мастера?

– Дом, дурочка.

– А я думала, что мастера все время путешествуют, – сказала Эльга.

– Не все время. А вот выучу тебя, так вовсе осяду в Гуммине, и отдуваться придется тебе, – пригрозила Унисса.

Впереди вырос холм, как щетиной с одного бока поросший кустарником, и дорога завернула в объезд.

– А мастера все такие? – спросила Эльга.

– Какие? – покосилась Унисса.

– Ну, без семьи, без детей.

Лошадки помахивали хвостами.

– Нет, почему же? Бывают у них и семьи. Но редко. Мастерство, оно такое... оно требует тебя всего, без остатка, и на любимых людей просто не остается времени. – Унисса вздохнула. – Ничего не поделаешь.

– Это неправильно, – сказала Эльга.

– Так есть.

– А я?

– Что – ты?

– Ну, со мной-то вы возитесь.

– Вожусь, – признала Унисса. – Потому что мастерство не должно прерываться. К тому же это мне почти ничего не стоит. Так что, ученица, готовься соответствовать.

Эльга фыркнула.

С низинки надвинулся белесый, зябкий туман, но рассеялся, едва дорога забралась выше. По правую сторону молчаливыми рядами застыли чахлые елки.

– Если подумать, – сказала Унисса, – всегда чем-то приходится жертвовать. Любой твой выбор означает отказ от чего-то еще.

– А если бы вы стали грандалем...

Унисса щелкнула вожжами по крупу одной и второй лошадок, заставляя их идти резвее. Внутри фургона что-то упало на пол и перекатилось.

– По-моему, я уже сказала, что не собираюсь раскрывать тебе этот секрет.

– Но вы бы стали менять мир?

– Не знаю, еще не решила. По слухам, мастер становится грандалем на очень короткое время, и не все в этом смысле зависит от его желания. Можно даже проморгать момент, а потом жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

– А я бы вернулась домой, – сказала Эльга.

– Сейчас?

– Нет, позже. Через год. Или через три. Чтобы мама, папа... Чтобы я вошла, а они такие... «Дочка, доченька!»...

Эльга всхлипнула.

Слезы потекли, словно дождь над Дивным Камнем. Вытирай, останавливай, все равно не удержишь. Черное мастерство.

– Ну-ну. – Унисса смахнула пальцем слезинку с Эльгиной щеки. – Воды нам, по-моему, хватит. Перебор.

До Гуммина они добрались за четыре дня.

Лошадки попались выносливые и неприхотливые. На ночь Унисса, стреножив, оставляла их пасти на полянках неподалеку, затем разжигала костер и жарила мясо, изумительно вкусное, горячее, капающее жиром.

Темнота сторожила за кругом гудящего, выстреливающего искры огня, Эльга куталась в плащ, а Унисса рассказывала истории из своей жизни, о листьях и людях, о мастере Криспе, о приеме у кранцвейлера, где в глазах рябило от витражей и золотого шитья.

После этих историй было удивительно сладко засыпать в фургоне. Ветер дышал в стенки, бормотали листья на крыше, и сны приходили на мягких лапах, чтобы обнять и окунуть в отголоски услышанного.

Солнце по утрам явно чувствовало себя неуверенно и грело небо где-то за облаками. Дождь же больше грозился, больше пугал, чем лил по-настоящему. Прыскал, словно напоминая: я здесь, чуть что – гряну!

Они проехали низинку, давшую название местечку, всю в черных проплешинах, будто выгоревшую, миновали несколько деревенок.

Эльга набивала букеты, пытаясь перенести на дощечки ночь и костер, последнюю стоянку, дорожную колею, а Унисса то кривила губы, то неожиданно слегка поправляла один-два листа, превращая ученическую работу в нечто более зрелое.

До нужного размера отрос ноготь. Пользоваться им сначала было совсем не удобно, палец не соглашался гнуться под нужным углом, но с каждым разом управляться своенравными фалангами получалось все лучше. Р-раз! – и зубчик долой. Два! – прощай, черенок.

К Гуммину подъехали глубоким вечером, успев набрать в расположенной рядом рощице два больших мешка листьев.

Иссимский вейлар мало чем отличался от Эрзимского, в котором находились и Эльгино Подонье, и Дивий Камень. Те же заборы, те же дома, разве что побогаче, каменных побольше. Те же низкие стены вокруг городков, те же лавки под навесами и мощенные камнем узкие улицы.

И люди те же, пусть рубахи были свободней в воротах, пояса – с бляшками, а кофты и малахаи – длинней в рукавах.

Стражник в воротах и вовсе стоял в доспехе, жадно ловившем отблески потрескивающего факела. Погромыхивая начищенным железом, он вышел из будки и смело заступил лошадям дорогу.

– Кто такие?

– Мастер листьев Унисса Мару.

– А печать есть? – Стражник попался подозрительный.

Унисса закатала рукав.

– Смотри.

– И у меня.

Подвернув ткань, Эльга выставила и свою руку – тощую и бледную куриную лапку рядом с загорелой рукой мастера.

– Мастерам въезд свободный, – с огорчением произнес стражник, разглядев зеленоватые пятна печатей. Он отошел в сторону, хлопнув одну из лошадок по крупу. – Доброй дороги.

– Долгой жизни, – отозвалась Унисса. – Н-но!

Щелкнули вожжи. Фургон двинулся с места.

– Если негде остановиться, – сказал стражник, идя вровень, – то через улицу есть постоялый дом Гуга Меермина.

– Родственник? – усмехнулась мастер.

– Тесть, – вздохнул тот.

– Сожалею.

– Пропади он пропадом, – сказал стражник и укрылся в нише у ворот.

Город готовился ко сну. Фургон въехал в Гуммин, усыпанный желтыми пятнами окон, словно осенней листвой.

– Эх, уже и не помню куда, – сказала Унисса и направила лошадок вправо, в темно-синий рукав улицы, обжатый угловатыми силуэтами домов.

Звонко зацокали по булыжникам копыта.

Над козырьком фургона плыли ветки, дымы и звезды. Где-то звякал колокольчик, таякала собака. По каменному водостоку журчала вода.

Они миновали горбатый бревенчатый мостик, свернули еще раз, оцарапав борт о вывеску с железным сапогом на цепи. Стукнула дверь, кто-то шмыгнул прочь от фургона. Над редкими фонарями вились мотыльки.

– Ага, – сказала Унисса.

Кое-как развернувшись в узком каменном мешке с глухой, не имеющей проезда аркой, она направила лошадок в щель переулка. Колеса прокатились по луже. Из синевы выплыл дом

и, отвалившись в сторону, сменился кривым забором. За забором выросла башенка с тусклым огоньком на вершине.

Фургон проехал чуть дальше, пока лошадки не уперлись в ворота. За воротами, чуть в стороне, темнело здание. Ни капельки света в окнах.

Унисса спрыгнула на землю.

– Сиди здесь, – сказала она Эльге.

– Да, мастер Мару. – Девочка поплотнее запахнулась в плащ. – Мы будем здесь жить?

– Посмотрим.

Унисса обошла лошадей и скрылась в дверце рядом с воротами. Раздался глухой стук, и косые створки со скрипом раскрылись в темноту. Лошадки пошли туда, помахивая хвостами. Вокруг зашелестела трава, высокая, выше колес. Эльгино зрение выхватывало стебли и колючие головки репейника, скребущие о фургон. Махнуло ветвями дерево.

– Ну, вот, – сказала Унисса, объявившись рядом, – приехали, слезай.

Эльга осторожно перебралась по сиденью на ее сторону, подальше от репейника, и спустила ноги.

– Иди к дому, – сказала мастер, возясь у ворот с засовом.

– Темно, – сказала Эльга.

– Тогда жди меня.

Засов наконец сомкнул створки.

Унисса пропала, и Эльга замерла, ловя ночные шорохи. Пофыркивали лошади, над макушкой девочки, повинаясь движениям ветра, пролетел лист, и она испуганно вжала голову, думая о ночных птицах и летучих мышах. Качнулся, скрипнул фургон.

Эльга поближе подошла к лошади в упряжке и положила ладонь на ее теплый, чуть подрагивающий бок. Так было не слишком страшно.

Она вздрогнула, когда в фургоне что-то стукнуло. Спустя мгновение на ворота плеснул свет, и с фонарем из свечи, заключенной в стеклянный колпак, Унисса спустилась по короткой лесенке на землю.

– Пошли, – сказала она Эльге.

Пятно света, покачиваясь, обозначило почти заросшую тропку.

Камни, из которых был сложен дом, до окон затянул бурый мох. Местами он забирался и выше и, кажется, даже претендовал на крышу, покрытую дранкой. Большой плоский камень служил крыльцом. В щелочку узкой двери была вдеа дужка ржавого замка.

– Подержи. – Унисса передала Эльге фонарь.

В близком грязном окне девочка отразилась неясным силуэтом. Почудилось, что внутри, в доме, кто-то стоит напротив.

– Кыш-стыш, – прошептала Эльга.

Вроде бы помогало от всяких страхов лучше, чем «Ёрпыль-гон», но Рыцек, конечно, поспорил бы.

Тем временем мастер вытянула из-за ворота платья шнурок с ключом, вытерла о ладонь бородку и подступила к двери. Железо зазвякало о железо. Крац-крац. И снова – крац-крац. А потом – крац-крац-криц-ца.

Замок упорствовал.

– Подсвети-ка, – сказала Унисса. – А то до утра тут прокопаемся.

– Да, мастер Мару.

Эльга подступила к двери. На серое дерево легло золотистое пятно. Какой-то потревоженный паучок спрятался в щель между досками.

– Ближе. Ага.

Ключ сказал: крыц-крыц, и замок, отщелкнув дужку, обессиленно повис, словно и сам уже устал держаться. Унисса выдернула его из проушин и толкнула дверь.

В протяжном скрипе темнота отступила от порога, открывая серые стены, заполненные букетами самых разных форм и размеров.

– Ну вот, – сказала Унисса, подталкивая ученицу, – заходи.

Эльга подняла фонарь выше и шагнула внутрь.

Чихнул пылью коврик. В глубине дома что-то стукнуло. Свет пробежал по букетам, заставляя их вспыхивать потускневшими, но все еще живыми красками. Чужие лица внимательно смотрели с них на Эльгу.

– Не стой.

Унисса закрыла дверь.

– Здесь, конечно, грязно, – сказала она, – но это мы завтра с тобой поправим. Года четыре здесь не была.

– А чьи букеты? – спросила Эльга, переходя из прихожей через широкий проем в большую комнату.

Единственной мебелью в комнате была длинная скамья с резной спинкой. Несколько подушек на ней были проедены мышами. Горками лежал пух.

– Частью – мои, частью – мастера Криспа. Но листья, как ты знаешь, долго не держатся, – сказала Унисса.

– А это кто?

Эльга приблизила фонарь к большому букету в раме. На букете, вытянувшемся под самый потолок, стояла девочка с желтыми соломенными волосами – светлые глаза сощурены, губы упрямо сжаты, весь вид ее говорил, что она обижена, но старается этого не показать. На ней была длинная, до колен, накидка, выцветшая из синего в серый цвет. Коленки – голые. В ногах комочками лежали листья. На запястье зеленела печать.

Эльга подумала, что именно ее фигурку она видела через стекло. Какие уж тут кыш-кыш...

– А это, – Унисса встала рядом, и на лице ее появилась легкая улыбка, – это, моя, я. Лет двадцать уже, наверное, этому букету. Даже не знаю, как еще держится. По краям, видишь, совсем облетел.

Эльга подступила ближе, разглядывая крошащийся лиственный слой внизу рамы.

От букета горьковато пахло и до защемления сердца веяло желанием идти до конца. В девочке не было обиды, поняла Эльга. То, что казалось обидой, на самом деле являлось целеустремленностью.

С маленькой Униссой хотелось встать рядом.

А еще почему-то ее было очень жалко.

– Знаешь, – глухо сказала мастер, – пятнадцать лет – очень большой срок для букета. Редкие доживают до пяти, семи лет.

– А это вы сами набили? – спросила Эльга.

– Нет, это мастер Крисп. Он говорил мне, что это его вершина. Сейчас я думаю, что так оно и есть. Я, наверное, с того времени очень изменилась.

– Не-а, – сказала Эльга.

Унисса фыркнула.

– Не подлизывайся. Ладно, сядь пока.

Эльга села на скамейку. Мастер забрала у нее фонарь и пропала в дальних комнатах. Дом наполнился быстрыми шагами, скрипом полов, стуком выдвигаемых ящиков.

– Да где же это?

Окна проступали в темноте, будто пейзажные букеты. В них таились ночь, звезды поверх забора и шелест репейника.

Эльга поболтала ногами.

Сначала она думала, что в доме будет страшно, но сейчас успокоилась. Под девочкой с соломенными волосами вообще было невозможно бояться. Уж она-то точно не боялась, потом выросла и стала мастером.

– Представляешь? – Унисса, появившись, сунула ученице в руки блюдо со свечным огарком. – Почти все свечи мыши поели. Завтра, значит, еще по лавкам пойдем.

Огарок осветил пальцы.

Унисса присела перед Эльгой, легонько щелкнула по носу.

– Теперь поднимайся наверх, там большая комната, кровать выбирай любую. Я распрягу лошадей и принесу одеяла из фургона.

– Да, мастер Мару.

– Не боишься?

– Нет.

Прикрывая огонек ладонью, Эльга смело выбралась в коридор.

За спиной стукнула дверь, и темнота рассыпалась вместе с шагами, оборачиваясь то углом, полным изгрызенных рамок, то стулом, то кривым комодом, застывшим у стены. Свет ласкал обвисшую обивку и позеленевшие дверные ручки. Поднимаясь по лестнице, Эльга подумала, что обязательно исследует все днем.

Не просто же так они сюда приехали.

Кровати были – простые деревянные лежаки. В комнате имелись еще шкаф без дверей, тумбочка, приставленная к окну, и два низких стула.

Здесь тоже все стены были в букетах, но почти все они распались и пожухли, оставаясь в рамках частично – уцелевшими щекой, лбом, глазом. Странно было на них смотреть. Печально. Будто на давно умерших людей.

В изголовье одной из кроватей, правда, нашелся букет поновее. Он изображал молодого мужчину с русой бородкой, темноглазого. Мужчина глядел серьезно, но в уголках губ чудилась улыбка.

Букет пах сожалением.

Это легко определялось даже без мастерства. Эльга только не понимала, как в листья переносятся эмоции. Но ничего, она еще научится.

Наверное, когда-нибудь она набьет большой-большой букет, полный радости, чтобы, глядя на него, никто не мог бы грустить.

Эльга поставила блюдо с огарком на тумбочку и забралась на кровать с ногами. Свет и тени перемешались и образовали новый порядок. От трепета огня на границе велась бесконечная война, и тьма то наступала по стенам и потолку, то откатывалась на прежние позиции.

Эльга задумалась, как бы это перенести в букет. Ну, с листьями за огонь все просто: рябина, клен, береза, тинник и огневик. А темноту чем передать? Мертвые, что ли, использовать?

Она не заметила, как заснула.

Унисса накрыла ее одеялом и погасила свечу.

Утром дом показался Эльге дружелюбным, но серьезно больным существом.

Она переходила из комнаты в комнату, которых оказалось шесть внизу и три наверху, и вздыхала по запустению и общему разору. В холодной подвальной листевой, показанной ей мастером, было по щиколотку мертвых иссохших листьев. В листьях резвились мыши.

Жуть.

Первым делом они вынесли весь мусор, накопившийся в комнатах. Листья, рамки, доски, мышинный помет, прогнившие створки от ставней, осыпавшуюся штукатурку и несколько рулонов гнилой обойной ткани, от которой пахло как от растения, именуемого клоповником, – резко и тошнотворно. Все это сбросили в заросшую яму на задах дома.

Затем сняли все букеты, пощадив только маленькую решительную Униссу в большой комнате и молодого человека над кроватью в комнате наверху. Утыканные гвоздиками разных размеров серые стены оголились и сделались трогательно-беззащитными. Дом словно лишился последних одежд, хоть они и выглядели лохмотьями.

Чтобы дом не обижался, Эльга гладила светлые пятна, оставшиеся от букетов.

Обломками стульев Унисса растопила печь, и непривычное тепло поплыло по комнатам, вырываясь из вентиляционных отдушек.

К полудню они очистили листовую и подвесили снятые с фургона мешки на железных крючках. Потом прибрали задний двор, вымели грязь и древесную кору, оставшуюся от поленницы, и в две ржавых косы выкосили репейник у тропы и перед воротами. Слишком уж он о себе возомнил.

– Все, пока отдохни, – сказала Унисса, переодеваясь. – Я выйду в город. Если будут спрашивать, скажи, что мастер начнет принимать через неделю.

– А мы здесь надолго? – спросила Эльга.

– Пока ты кое-чему не научишься.

– Мне здесь нравится.

Унисса улыбнулась.

– Мне тоже.

Солнце светило мягко, от растущей у дома липы падала тень. Лето здесь чувствовалось не так, как в Дивьем Камне, мягче, нежней.

Гуммин шумел за забором, но дом мастера Криспа, похоже, был расположен на окраине или в месте, которое не пользовалось популярностью жителей. Гул голосов и звуки улиц доносились ослабленными, словно издалека. Они, казалось, с трудом отыскивают путь в узкий проулок, а отыскав, пасуют перед длинным мрачным зданием, сторожащим выезд. Но, может быть, мастер Крисп как раз этого и хотел, когда здесь селился?

Эльга проверила лошадей под навесом и забрала из фургона свой сак, такой родной, обрадованно похрустывающий заточенцами. «Хозяйка, хозяйка», – шептали листья.

Было жутко приятно.

Она решила не тратить время зря. Пальцы соскучились по сухому шороху и хрусту на сгибах. А в голове и вовсе носилось столько всяких идей, что не попробовать перенести их на дерево или холст казалось преступлением.

Сбоку от дома, рядом с лестницей, упирающейся в скат крыши, Эльга обнаружила лавку и превратила ее в свое рабочее место. Сложила к столбикам-чурбакам несколько дощечек, одну положила на колени, развязала сак.

Итак...

Ладонь нырнула в рассыпчатое, колкое нутро. Голоса листьев оглушили. «Мы готовы, да, хозяйка, мы здесь». Дуб, ольха, курчавка, чарник...

Пальцы выбирали, не торопясь.

В небе величественно плыло облако, громадное, пышное, белое, с завитком-хвостиком. Шелестела липа. Сквозь крону дерева проглядывала башенка, оказывается, с проломом на самом верху. Над забором чернела крыша с зубцами из светлых, сложенных лесенкой камней. Серdito прогудел, едва отвернув в сторону, шмель.

Ветерок шевелил волосы.

Было так хорошо, что Эльга безотчетно сомкнула пальцы и высыпала на дощечку пойманные листья.

Ей захотелось сохранить это ощущение в букете. Перенести и посмотреть, что получится.

Взгляд привычно вильнул в сторону, и мир сложился иначе: облако – из лепестков ромашки, крыша – из черной бузины, башенка – из ясколки и каштана.

Пальцы заработали, прижимая, уминая, оглаживая. Ловкие, маленькие, совершенно самостоятельные пальцы. Эльга словно со стороны наблюдала, как они, утрамбовав один слой, нетерпеливо рассыпают другой, отделяя черенки, сортируя листья по совместимости и цветам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.